

Евгения Озерова

СОВЕРШЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

C&K

16+

Евгения Озерова

Совершенная технология

«Издание книг ком»

2015

УДК 82-312.9
ББК 84-44

Озерова Е.

Совершенная технология / Е. Озерова — «Издание книг
ком», 2015

ISBN 987-5-91775-217-4

На Земле XXI века – мир между всеми разумными расами: люди, гномы, эльфы, орки договорились между собой на основе принципов политкорректности учений Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. У Организации Объединённых Рас – реальная власть и руководство планетой. Всемирные силы МЧС поддерживают гармонию и порядок через сеть региональных Бюро геомантии. Шуша – маг-геомант, одна из избранных в этой славной профессии. Однажды она понимает, что из глубин галактики к Земле направляется Зло. Это представители технократической цивилизации, безжалостные и целеустремлённые. Корабль приземляется в вологодских лесах. Парламентёры Земли убиты, выставлены требования безоговорочной капитуляции. Геоманты Земли разрабатывают план сопротивления на основе магии, который непросто осуществить: на Земле есть партия войны, жаждущая реванша. Главная роль в этом плане отводится Шуше и её друзьям...

УДК 82-312.9
ББК 84-44

ISBN 987-5-91775-217-4

© Озерова Е., 2015
© Издание книг ком, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Евгения Озерова

Совершенная технология

Глава 1

Трудно просыпаться осенним утром, когда за окном полутьма и лёгкая морось. Трудно просыпаться по будильнику и ещё труднее – вставать. Руки автоматически тянутся к часам, чтобы нажать волшебную кнопку, откладывающую звонок ещё ненадолго, чтобы продлить сон...

Но в этот раз всё было не так. Шуша проснулась сама за несколько минут до семи, – событие беспрецедентное, что и говорить. Проснулась от странного беспокойного сна, не сказать что кошмарного... Мутный – это слово лучше всего подходило для его описания.

Она постаралась вспомнить образы, так встревожившие её.

...Странный свет необычного, какого-то тревожного оттенка настолько чуждый, настолько непостижимый, что охватывает холодная тоска...

...Распахнутые окна, в которые залетает дождь...

... Нелепое высотное здание из стекла и бетона посреди леса...

Так в чём же дело? Обычный сон, не отличающийся внятностью образов и последовательностью событий... Забыть?

Мягкость подушки, тепло одеяла, любимый запах соковища, которому до конца дежурства осталось ещё полчаса. Утро как утро, утро спокойного дня, когда не надо подскакивать, чувствуя, что от нескольких лишних минут, проведённых в постели, зависит судьба мира. Всё привычно и знакомо, и кажется, ничто никому не угрожает, всё идёт своим от века налаженным путём.

И всё же в этот раз – только кажется...

Телефон едва пискнул: Шуша была готова к звонку и сразу придавила кнопку не желая, чтобы занудное пиликанье разбудило свекровь. Разогревая завтрак, она подумала, что сегодня, пожалуй, можно немного опоздать. Тогда она лениво закурила, прислушиваясь к миру и не обращая внимания на гудение СВЧ.

Песчинки и мох, деревья и облака – всё было на своих местах. В Японском море опять штормило, и сильно, но всех моряков можно спасти, раскрыв красный зонтик на Трафальгар-сквер в Лондоне ровно в тринадцать минут пятого по местному времени. Впрочем, об этом уже позаботился её коллега из Владивостока. Айсберг по-прежнему угрожал нефтяной платформе в Северном море, но в Аргентине уже третий день старательно выкорчёвывают кофейную плантацию под личным руководством директора Южноамериканского бюро, так что всё будет в порядке. Качество питьевой воды в Йоханнесбурге обязательно вернётся к норме в ближайшие часы, потому что три тысячи тонн булыжников уже сброшены с Оленьей сопки на Камчатке, а биржевой курс высокотехнологичных активов перестало лихорадить, поскольку ещё вчера кривая сосна на берегу Онтарио была пересажена на полтора метра южнее...

Ничего странного. Ничего ненормального. Всё в полном порядке.

Более того: ближайшие дни вообще обещают быть на редкость спокойными.

Если бы только не сон...

– Ты опоздала! – вместо приветствия нахально заявил остроухий аналитик за соседним столом.

– Во-первых, Гарик, ты мне не начальник. Во-вторых, если бы я не опоздала, мир бы рухнул, – привычно сострила она.

День действительно оказался лёгким, – она называла такие «подтирочными». Крупных катастроф или стихийных бедствий не предвиделось, оставалось лишь довести до конца начатое коллегами из других бюро. Чёртов айсберг в Северном море, несмотря на все усилия, всё-таки раскололся на несколько частей, и теперь, чтобы отклонить от нефтяной платформы самую непокорную из них, пришлось срочно сгонять всех голубей с купола собора Святого Петра в Риме. Птицы, обосновавшиеся там множество поколений назад, никак не желали покидать насиженное место, и отдел аэропроектов пошёл на святотатство: предложил стрелять в воздух. Холостыми, конечно, но это нарушило воздушный баланс, и дело могло закончиться ураганом в районе Большого Барьерного рифа. Впрочем, благодаря вовремя предпринятым отделом пиромантии мерам (в частности, небольшому лесному пожару в Канаде, в результате которого никто не пострадал, но Шуша никогда не одобряла и такое вмешательство в природную систему) ураган был предотвращён.

В Японском море всё никак не могли найти двоих моряков с потерпевшего крушение рыболовецкого траулера. Весь штат бюро чётко и единодушно указывал спасателям точку, где находилась их шлюпка, но вертолёты из-за шторма подняться в воздух не могли, а баньши, посланные на розыск, наткнулись на повышенную турбулентность недалеко от зоны, в которой потерпел бедствие траулер. Однако с помощью владивостокских и токийских коллег шторм обещал вскоре быть побеждённым, и в сохранении жизни моряков никто не сомневался.

Из раздумий в курилке Шушу вывело нитьё практикантки Анжелики. Геомантом она обещала быть средненьким, в лучшем случае районного уровня, но шуму разводила поболее директора.

– Ну почему всё время я? На самые грязные работы – я. Вечно я со всякой пакостью вожусь...

Из дальнейших довольно бессвязных жалоб выяснилось, что к директору пришёл завхоз бюро и заявил, что, раз уж в штате есть геоманты, то почему бы им, великим и могучим, не снизойти до нужд простых смертных и не использовать свои таланты на благо общества, то бишь, в данном случае – службы эксплуатации здания? Благо заключалось в том, что надо было раз и навсегда отвадить воробьев, прочно обосновавшихся на статуе Махатмы Ганди перед входом и загадивших её до неузнаваемого состояния.

Анжелика почувствовала, что для этого необходимо «всего лишь» затопить в Бискайском заливе катер с пятью тоннами нефти. Такого, разумеется, отдел аквамантии, как и отдел экоконтроля, позволить не могли, и на голову Анжелики обрушились кары небесные. Превентивно, дабы впредь неповадно было такое предлагать. Шуша сосредоточилась, прислушиваясь к миру, а потом, приобняв практикантку за плечи, посоветовала:

– Не принимай близко к сердцу. Скажи им всем: для этого необходимо только вон у той сосны отпилить нижнюю ветку, видишь?

Она показала Анжелике из окна молодую сосенку в сквере через улицу. Анжелика недоверчиво посмотрела на неё, и Шуша утвердительно покивала. И пожалела о данном совете, – взгляд Анжелики из недоверчивого сразу стал завистливым...

На рабочем месте её ждал сюрприз. Сисадмин, рыжий нативный горец, подложив на кресло кипу географических и геологических справочников с её стола и только таким обра-

зом сумев достать короткими ручками до клавиатуры, колотил по клавишам с упорством предка, добывающего руду в подгорном просторе, и приговаривал:

– Вооот... Так гораздо лучше... Компьютер! Вещь тонкая, понимать надобно! А они с ним...

– Хард, ты что творишь? – спросила у рыжего Шуша.

– Почточку тебе переустанавливаю, почточку, человеке!

– А комп-то модернизировал, чучело Торина?

– Будут деньги, будет время – и памяти добавим! – весело пропел горец.

– Ты что?! – завопила Шуша. – Я же тебе два месяца назад заявку на модернизацию написала! Пятьсот двенадцать мег оперативки в наше время – нормально, да?! Да он с новой почтой теперь просто гикнется! Я и так загружаюсь по полчаса! Этим компом уже гремлины брезгают!

За соседним столом улыбался тайком остроухий Гарасфальт. Потом не выдержал:

– А этого небось ты не предчувствовала и не предвидела, Шушенька!

Шуша взмахнула рукой, изображая, что собирается вцепиться в длинное ухо аналитика.

– Ой-ой, как мне страшно! – откровенно захохотал тот, отмахиваясь.

А горец пропел ей в спину:

– Вот будет у конторочки золотишко, чтобы у моего папочки купить платочки памяти, – вот и времечко модернизировать компик будет у меня! А то по остаточному принципу финансируют, понимаешь!

Крыть было нечем. Семья нативных горцев, к которой принадлежал сисадмин, и впрямь славилась своим компьютерным железом. У себя в горах вокруг Кремниевой долины они производили лучшие в мире жёсткие диски, платы памяти, видеокарты и прочее настолько качественно, как никогда не удавалось создателям компьютеров – техноориенталам.

Но и стоили сработанные горцами платы и диски немало. Бюджетной конторе, которой являлась система бюро МЧС Организации Объединённых Рас, даже на обычные интеловские и майкрософтовские железки и софт приходилось копить месяцами.

Хад соскочил с её стула, похохатывая.

– А за обложечку справочника ответишь! Вещь подотчётная, с инвентарным номером! – прокричала Шуша, потрясая помятым географическим атласом вслед сисадмину, ринувшемуся к следующей жертве.

– Но-но! – весело погрозил пальцем нативный горец. – Я ведь тоже могу за «чучело Торина» в Комиссию по политкорректности пожаловаться!

Шуша мрачно фыркнула. «А я на тебя – за слово «человеке». И ты это знаешь!».

– Ой, не могу! – заливался Гарасфальт, хлопая ладонью по столу. – Вечно геоманты оттяг устроят! Ну скажи, ну скажи мне, тупому аналитику, что ты это предчувствовала, что ты это знала с самого утра!

– Не с утра даже, Гарик, дорогой! – начала Шуша, но её перебил один из подчинённых остроухого, Миша:

– Между прочим, о грядущей замене почтовой программы она полгода назад директору писала!

Шуша благодарно кивнула молоденькому техноориенталу. Тот покраснел от собственной смелости и попытался залезть в монитор с головой. Она же снова повернулась к Гарасфальту:

– Хочешь, тебе то письмецо перешлю? – вкрадчиво спросила она.

– Ой, не надо! – хохотал аналитик. – Верю, верю! Тогда почему сегодняшнее не почувствовала? Вот скажи, объясни! Значит, вы не всеильные всё-таки? А, геоманты? А?

– Была б я домашней хозяйкой, миляга, то знала б, конечно, кто там у меня в компе собирается пошурудить, но, видишь ли, какая проблема, дорогой мой, – так же вкрадчиво продолжала Шуша, – мне не квартиру, а целый мир в порядке содержать приходится. И тебя в том числе, бестолкового, время от времени предупреждать кое о чём...

– О чём? – насторожился остроухий.

Шуша на мгновение сосредоточилась. Такие поединки они разыгрывали не раз, и она многое знала о шалостях коллеги.

– Ну, например, о том, что твой сильмарилл драгоценный нашёл-таки кое-что под диваном... Предупреждала я тебя, не надо было домой никаких ундомизелечек приводить...

За столом позади прыснул Шушин коллега Ярик, геомант регионального уровня.

Аналитик помрачнел и ушёл в себя.

Остаток дня Гарасфальт провёл в молчании, только время от времени шевелил губами, видимо, репетируя оправдания перед женой.

В лифтовом холле бюро задумчиво слонялась недавно пришедшая в бюро сотрудница Юлечка из отдела аэропроектов.

– Ты что, ждёшь кого-то? – спросила Шуша, входя в лифт.

– Нет... Я наверх, – застенчиво показав тонким наманикюренным пальчиком, сказала Юлечка. – Хочешь со мной?

– Куда? – не поняла Шуша, на всякий случай вернувшись на площадку.

– Девушка, вы едете наконец? – громогласно окликнули из лифта.

– Наверх... – прошептала Юлечка, и Шуша, наконец, поняла. Махнув рукой, она отпустила страждущих в лифте. Двери закрылись, и послышалось ровное гудение уходящей вниз кабины.

– Тебе ведь в Ясенево? – спросила Юлечка приглушённо.

– Ну да.

– А мне в Очаково... По пути, верно? – Юлечка распахнула голубые глаза во всю ширь.

– Ну, если ты считаешь, что Ясенево по пути в Очаково...

– Знаешь, не важно! – рассмеялась Юлечка. – Я долечу! Они долго ждали лифта, идущего вверх, до крыши. Каждое утро, приходя на работу и дожидаясь лифтов на первом этаже, Шуша злилась на них, торчащих где-то наверху и не желающих спускаться, чтобы подвезти хотя бы разок, для разнообразия, опаздывающих сотрудников в офисы. Теперь она злилась на лифты, которые все спускаются вниз, подвозя усталых сотрудников, но почему-то не могут сделать исключение, чтобы доставить пассажиров наверх.

На крыше было холодно. Гораздо холоднее, чем внизу. Пара-тройка вертолётчиков, красиво подсвеченных прожекторами стоянки, смотрелись, как ёлочные игрушки.

Дойдя до угла крыши, где на покрытии разметка изображала нечто с крыльями летучей мыши на белом фоне, Юлечка потянулась.

– Ох, Юль, я и не думала, что ты...

– Да ладно... Садись.

Спина баньши была жёсткой, Юлечкины худенькие рёбра чувствовались даже сквозь одежду, но сидеть было вполне можно. Тишину, в которой Шуша наслаждалась полётом, несмотря на ветер, бьющий в лицо, вскоре прервала сама Юлечка.

– Хотела тебя спросить... – Да?

– Как там у нас, за переработки платят?

– Думаю, тебе надо сначала трудовой кодекс прочитать... Я ж не знаю, за что вам должны платить! – напрягая голос из-за ветра, ответила Шуша.

Юля обернулась через плечо:

– Погоди, сейчас сядем и поговорим! И вдруг заложила вираж.

полёту. Было ещё тепло, дождь, закончившийся днём, оставил после себя множество луж, и многочисленные отражения в них добавляли городу ещё больше света.

– Тебе зарплаты как, хватает? – спросила Юля. – Мне после МЧС как-то маловато. Но там за риск доплаты были большие... Я, наверное, поработаю и уйду куда-нибудь ещё.

– А у меня выбора нет, – спокойно ответила Шуша. – Я думала, ты знаешь...

– А что?

– Трубить мне на госконтуре ещё лет десять как минимум. Да и потом вряд ли что-нибудь нормальное смогу найти.

Юля недоверчиво посмотрела на неё.

– Серьёзно, ты что, не знала? Я же геомант. Как заметили способности, так сразу – специализированное обучение, индивидуальный подход, и вперёд... Четыре года мне было. Ну, а уж когда поняли, что способности у меня... выдающиеся... – Шуша произнесла это слово, чуть скривившись, – тут совсем шизухой повеяло. Ну и, раз государство столько денег на моё обучение потратило, – я теперь отдать их должна. Считай, я практически как военнотрудовая. Спасибо Организации Объединённых Рас.

Юлечка покивала:

– Понимаю. Я ведь тоже военнотрудовая. И без разницы, что из спасателей уволили, при ЧП – предписание в зубы и на ликвидацию. Это, если вы, геоманты, не справитесь, – усмехнулась она. – И мама с папой военнотрудовые. Только они не здесь приписаны.

– Почему не здесь?

– Так мы же по контракту из Ирландии сюда приехали. Мне десять лет было. Контракт кончился, а мы остаться решили.

– А язык прекрасно знаешь! – восхитилась Шуша.

– Спасибо! Это я сама, в школе! А родители по программе остроухих выучили. Акцент остался небольшой...

– А почему здесь основались-то?

– Не поверишь! – рассмеялась Юлечка. – Здесь болот больше. И свободнее они. Там прилетишь из города отдохнуть – руки раскинуть места не найдёшь, так всё заселено! А здесь – рай земной!

Шуша улыбнулась, представив себе, какое впечатление производили на жителей перенаселённой Европы российские леса и болота, если и теперь, в начале двадцать первого века, средняя плотность населения в стране составляла всего чуть больше восьми представителей разумных рас на километр.

– А почему ты потом-то работы не найдёшь нормальной? – вернулась к теме Юлианна.

– Ты прямо как с Луны свалилась! Ни законов не знаешь, ничего! – рассмеялась Шуша.

– Да пойми, мне до сих пор ни до чего не было! Так мечтала в детстве спасателем, как папа, стать! Сразу после школы – в колледж, училась-училась, потом работала, работала... Почти как ты, только без закрытого обучения. Меня ничего и не интересовало больше.

Она вздохнула, вспомнив, видимо, любимую работу.

– А у меня вот какое дело... Понимаешь, во избежание разных неприятных инцидентов крупным компаниям и корпорациям запрещено принимать на работу геомантов регионального и мирового уровня, – сказала Шуша. – Запрещено и ведущих магов-мастеров. Опасно это. Чтобы не было возможности в узких интересах их способности использовать... Ну и мне в итоге как геоманту-мировику, вообще, возможно, всю жизнь на бюро придётся пахать.

– А откуда у тебя они?

– Кто они? – не поняла Шуша.

– Ну, способности эти... Они же редкие очень, верно? – спросила Юля.

– Редкие, да. Самые редкие из всех магических, – подтвердила Шуша. – От прабабушки достались. Считай, с начала прошлого века. Тогда-то официальных структур не было, так

что она свою территорию держала в порядке, и всё. А так, если прадедущке верить, то она и посильнее меня была...

– У тебя прадедущка жив?! – восхищённо спросила Юлечка.

– Жив... Я к нему в гости езжу несколько раз в год. Ну, когда могу.

– Здорово! Для техноориентала без способностей он, наверное, очень хронологически одарённый...

Шуша помолчала, размышляя, стоит ли сразу раскрывать сотруднице, с которой они едва познакомились по-настоящему, родовые тайны.

– Он не техноориентал, – решила она наконец. – И, конечно, и меня переживёт. Он маскулинодендрофил.

Юлечка широко распахнула и без того немаленькие глаза:

– Серьёзно?! Вот здорово! А кто он?

Шуша внимательно посмотрела на Юлю, проверяя, не провоцирует ли та её.

– Зачем тебе это?

Юля снова рассмеялась, понимая, чего опасается Шуша.

– Не волнуйся! – сказала она. – У меня у самой дедушка по маме – не баньпи, а Джек О'Фонарелл. Живут с бабулей душа в душу уже почти шестидесяти лет!

Баньши... Джек О'Фонарелл... Шуша решила, что Юле и впрямь можно доверять. Но всё-таки, зачем ей это?

– Откуда ты родом? Вроде откуда-то с Волги? – продолжала болтать Юлианна. – Я не знаю маскулинодендрофилов оттуда. У нас можно встретить несколько рас, но у вас только лешие ведь?

Шушины подозрения развеялись. Похоже, никто не собирался обвинять её в неполиткорректности, если она назовёт расу прадедущки по-настоящему.

– Нет, он не леший. Там, в Поволжье, свои маскулинодендрофилы есть. Они там всегда жили, и никуда даже не мигрировали из тех мест. Он киреметь.

– Он что? – переспросила Юлечка, не понимая.

– Не что, а кто. Киреметь, – сдержанно ответила Шуша.

– Я о таком и не слышала никогда... – прошептала баньпи, округлив глаза. – Вот бы у вас побывать...

– Что же, следующим летом, может, и съездим, – сухо произнесла Шуша.

Ей вдруг не понравилась Юдина непосредственность и её почти биологический интерес к представителям неизвестных ей рас.

– Ну что, полетели? Предложение подвезти в силе, или я сама? Тут подземка недалеко, – сказала она, вставая.

– Подвезу, конечно! – подскочила Юля и, забавно встряхнувшись, тягуче потянулась, перевоплощаясь.

«Как маленькая собака!» – невольно подумала Шуша и тут же одёрнула сама себя: неполиткорректно.

Сокровище уютно посапывал в темноте, сквозь тонкое, ещё не зимнее одеяло Шуша чувствовала боком его тощую спину. Она не собиралась прислушиваться, она и так знала, что дежурство выдалось нелёгким. Выспится – сам расскажет. Завтра. А то, что съел почти всё, что было в холодильнике, и задрых ещё до её возвращения, и даже потискаться не успели, – так это обычная проблема врачей после суток дежурства. Зато притянул её под бок, как только сама Шуша легла.

Только бы не начал среди ночи говорить спросонок: сегодня она хотела сосредоточиться на ощущении далёкого кризиса, точнее, ещё только «предчувствия предчувствия» его, которое преследовало Шушу с прошлой ночи...

Она постаралась отвлечься от воспоминаний о сегодняшнем. Сейчас речь шла не о банальных проделках коллеги аналитика и не о конкретной стае воробьев, теперь переселившейся со двора бюро в сквер напротив. Шуша усмехнулась, почувствовав, как бригада дворников-горноориенталов, матеря завхоза, отдирает среди ночи присохшее к статуе Махатмы воробьиное дерьмо, – некоторые выражались весьма изысканно, не каждый писатель «новой волны» на такие обороты способен.

Нет, речь идёт о невнятном ощущении, которое вызвал вчерашний сон... Что именно искать? И где? Как выглядит потенциальный враг, и кто его союзник? Какое изменение в мире будет служить признаком его появления?

Земля вращалась под звёздами и Солнцем: одновременно медленно и быстро, одновременно большая и маленькая... Западно-Европейское бюро в Париже и Западно-Африканское бюро в Тунисе уже передавали вахту Восточно-Американскому в Чикаго и Южно-Американскому в Буэнос-Айресе, чтобы те в свою очередь через несколько часов сдали дела Западно-Американскому в Сан-Франциско и Тихоокеанскому в Сиднее... Над Атлантикой пытался созреть тайфун, но у него нет шансов, поскольку на Кольском полуострове уже открыли и собирались утопить в близлежащем озере вросший в землю с ледниковых времён трёхтонный валун. Нашествие саранчи в Нижнем Поволжье в будущем году тоже можно считать «успешно несостоявшимся», поскольку в Алис-Спрингс мужчина тридцати двух лет, разведённый отец двух дочерей, потомок ирландских переселенцев (сумели соблюсти все условия, молодцы, коллеги!) уже пролил воду из полиэтиленового пакета на кухонный стол...

Уже засыпая, Шуша почувствовала, что завтра ей не светит доложить директору о своём предчувствии. Хоть она была принципиальным противником решения собственных проблем с помощью своих способностей, а не могла не заметить каплю вновь пошедшего дождя, занесённую ветром в окно: придётся завтра кого-то заменять...

– ...Что?! – подскочила она.

– Экстракт ацеласа ноль пять внутрисердечно! Дефибрилляцию на счёт три! Раз! Два!.. – сокровище, размахивая руками, опять реанимировал кого-то во сне.

Но не это разбудило Шушу. Она сумела поймать то, вчерашнее ощущение.

Кризис маячил впереди.

Ещё далеко, за «горизонтом событий».

И приближался он со стороны Солнца.

– Пааадходим... Пааакупаем... – на два тона ниже произнёс исконный земледелец. – Картошечка... Морковка... Зелень...

Он, казалось, изо всех сил пытался вычеркнуть из собственной реальности четверых стоящих перед ним инспекторов, – так старательно он смотрел на проходивших мимо покупателей.

– Значит, нет... – со вздохом сказал техноориентал. – Жалко.

– Пааадходим... Паааакупаем... – перешёл почти на шёпот исконный земледелец, потом, наконец, перевёл растерянный взгляд на инспекторов и начал заискивающе заглядывать им в глаза. – Картошечка... Базилик... Лучок...

И вдруг, нервно облизнув губы, отчаянно, с мольбой в голосе, сказал:

– Не моё это! Это дяди моего! Сейчас он подойдёт, разберётся. Да нет, я сейчас сам за ним сбегую!

Он с внезапной прытью, которую сложно было ожидать от небольшого, но такого плотненького существа, спрыгнул с лавки, собираясь куда-то бежать, но ещё один инспектор, остроухий, был быстрее. Одно лёгкое движение рукой, – и исконный земледелец застыл в движении, скованный лёгким парализующим заклятьем. Моложавый техноориентал и остроухий взяли его под руки и, ослабив заклятье, повели разбираться в администрацию. Лапы земледельца волочились по полу, цепляясь за асфальт.

Шуша идти с инспекторами отказалась. Она вызвалась походить по рынку ещё, сказав, что поищет другие нарушения, но, на самом деле, ей просто не хотелось присутствовать при разбирательстве. Подтверждающий генную модификацию анализ сделают за пять минут и без неё, а исконного земледельца было жаль. Раз в ход пошла ложь о дяде, наверняка у него и регистрации нет, и медицинская книжка подделана...

К концу дня у Шуши болели оттоптаннные толпами рыночных покупателей ноги и гудела голова от призывных воплей торговцев. Уличённые в нарушениях исконные земледельцы скандалили, клялись бабушкиной бородавкой, что товар не их, снова скандалили, точили скупые слёзы... Гораздо легче было работать с акваориенталами в рыбных рядах. Грудастые зеленовласые прелестницы, завидев инспекторов, конечно, пытались построить глазки и трепетали ресницами, но быстро понимали, что здесь их методы вряд ли будут пригодными, и без проблем расставались даже с внушительными суммами штрафов. Так же спокойно реагировали на претензии инспекторов и кряжистые бородатые водяные, – разве что крякали с досады. Шуше запомнился только один из них, фактически, её земляк: крупный волжанин с поразительной бородой, в которой поселился немаленький речной рак и, наверное, не меньше пяти видов водорослей. Торговец, уличённый в продаже браконьерской стерляди, расставался с деньгами, сокрушённо качая головой, и всё приговаривал, что теперь-то уж точно и детишкам не привезёт ни заколочек, ни робота-трансформера, и жена его загнобит, и покупку нового акваскутера отложить придётся, «а старый, ёшкин кот, вот-вот грёбнется: в моторе у него журчит...».

Только на последнем, пятом рынке, который посетили инспекторы, Теплостанском, нарушений Шуша не заметила. Но это, похоже, вовсе не было заслугой администрации или самих продавцов: торговые ряды, несмотря на то, что рынок был круглосуточным, зияли незанятыми местами. Вероятнее всего, торговцы разнесли по сарафанному радио весть о проверке, и отсюда нарушители успели уйти.

– Откуда кукурузка? – спросила Шуша спокойную полноватую исконную земледелицу, лениво грызущую семечки.

– З-пид Луганську, – ответила та с достоинством, внимательно глядя на Шушу.

Сомнений не было: у этой торговки кукуруза самая что ни на есть настоящая и очень вкусная!

– Шесть початочков мне завесьте.

– То беры сим, ровно пивтора кило будэ! – махнула рукой земледелица.

– Беру, – согласилась Шуша.

Расплатившись, она не стала брать двух десятков сдачи, чем вызвала шквал приглашений посетить Луганщину со стороны непривычной к такой щедрости фермерши:

– Будэтэ в Украины, приийжайте до нас в Новопсков, прыгостымо гарною кукурузою!

В служебном микроавтобусе было тепло. Шуша собиралась уже прикорнуть до офиса, но начальник отдела экоконтроля (она только к вечеру как следует запомнила его имя: он, как и Юлечка, был иммигрантом) неодобрительно посмотрел на пакет с кукурузой и сказал:

– Это вы зря. Расхолаживает.

– Кого, Рональд Дональдович? – удивлённо спросила Шуша.

– Проверяемых. Инспектор должен быть неподкупен. Или хотя бы выглядеть таким. Я буду вынужден поставить в известность директора.

– Ваше полное право, – сердито ответила она.

Шуша передёрнула плечами и уставилась в окно. Понятно, что директор наверняка даже слова ей не скажет, тем более, что Рональд Дональдович в своей докладной вынужден будет указать: покупка произошла после окончания инспектирования. Но настроение было испорчено, и спать больше не хотелось.

В полутёмном офисе уже было пусто, только из дальнего угла доносились приглушённые стоны и вздохи. Шуше не надо было прислушиваться, чтобы понять: Лоринн добилась-таки своего, и остроухий аналитик лечит душевные и телесные раны самым простым и доступным способом. Она прокашлялась, чтобы предупредить парочку потерпеть несколько минут, и, нарочито громко топая, прошла к своему столику – забрать пакет с зонтиком и газетами, оставленный у стола.

– А давай заведём ребёночка! – едва открыв Шуше дверь, заявил сокровище.

Шуша вздрогнула от неожиданности, пакет выпал из рук.

– О, кукурузка! Спасибо! – сокровище нагнулся, резво собирая раскатившиеся по полу початки.

– А поцеловать? – только и нашлась что спросить Шуша.

– Сейчас! – сокровище уже бежал в кухню. – Поставлю вариться!

Пока Шуша раздевалась, оттуда уже послышался шум воды в раковине и стук кастрюль: сокровище ставил кукурузу на плиту.

– Я тут бифштексиков тебе сделал, а мама рис с подливкой приготовила, – появляясь на пороге прихожей с тарелкой в руках, сказал сокровище.

– Ну, может, я не прямо тут есть буду? – немного иронично спросила Шуша.

– Да, конечно, проходи! Я просто подумал, что ты устала... Шуша помыла руки и прошла на кухню. Села, покрутила плечами, расслабляясь. Зевнула и потёрла глаза.

– Да, устала, – признала она.

Сокровище сел напротив и вытаращился на неё со слегка озадаченной улыбкой. Это было его фирменным выражением лица, оно всегда вызывало у Шуши приступ умиления. Она привсталала и, притянув голову, поцеловала его в макушку.

– Бородку пора подстричь, – сказала она, снова сев.

– Какую? – он, продолжая таращиться на неё, рассеянно поводил рукой у подбородка, наконец, наткнулся кончиками пальцев на отросшие волоски. – Эту, что ли?

«Ну какой же он... нелепый!» – с нежностью подумала Шуша.

Микроволновка перестала гудеть и пропищала, что ужин разогрет. Сокровище достал тарелку и поставил перед Шушей. Свекровь, как всегда, блистала в мастерстве пригото-

ния риса, а мясо у сокровища получилось на этот раз мягким и очень вкусным, так что Шуша надолго ушла в себя.

Благодаря скороварке кукуруза сварилась почти сразу же, как она поужинала, и на этот раз погрузился в кулинарную медитацию сокровище: он обожал грызть початочки, был готов посвящать каждому максимум внимания и времени, чтобы добиться полного очищения кочерыжки от всего, что может быть съедено. Шуша потихоньку ушла с кухни.

Телевизор в большой комнате показывал какую-то мелодраму. Шуша немного попялилась в него. Сериал был старый, ещё, наверное, годов семидесятых. Даже удивительно было, как могли теперь показывать в прайм-тайм такую неполиткорректность: действие происходило в девятнадцатом веке, семья эльфов, усыновившая маленькую дриаду, чья мама была убита людьми, пыталась выжить в маленькой резервации в горах Шотландии. Странно было даже слышать слова «эльф», «дриада», «люди», «тролли», которые свободно, без малейшего стеснения, произносили актеры.

Шуша прислушалась и кивнула головой, подтверждая свои подозрения. Да, уже завтра каналу придётся снять с вещания этот фильм: возмущение общественности заставит. Ничего, переозвучат по-быстрому, чуть-чуть перемонтируют («Точнее, цензурируют...») – мрачно подумала Шуша) и уже через неделю снова покажут. Шуша кинула взгляд на программу из газеты, лежавшую на диване рядом. Именно в той же рубрике и покажут: «Наше старое кино».

Она переключила канал. На экране гоняли мяч две команды в бело-голубой и красно-белой форме. Обе были смешанные: остроухие в нападении, нативные горцы в защите и огромные вратаригорноориенталы, почти закрывающие собой ворота. Шуша подумала, что сокровище уже должен приканчивать второй початок, так что не очень она его и потревожит.

– Смотреть футбол будешь? – крикнула она.

– А кто? – громко спросил сокровище из кухни.

– «Зенит» – «Спартак», счёт ноль-ноль пока.

Сокровище с топотом ворвался в комнату, держа в левой руке драгоценную кукурузину, уже полуобъеденную, и рухнул на диван. Шуша вздохнула, посидела рядом минут пять, изображая сопереживание и увлечённость. Потом, зевая тайком, встала и ушла в спальню.

Там она посидела, болтая ногами, в кресле перед выключенным компьютером, лениво размышляя, не развлечь ли себя, полазив по сети... Или связаться с кем-нибудь из геомантов в других бюро, поговорить, не ощущают ли они чего-нибудь странного в последние дни? Главное было сделано: теперь сокровище точно не вспомнит о ребёночке до завтра, и это придавало Шушиному мироощущению некоторую стабильность.

Наконец она махнула рукой, решив, что пора спать и сегодня не стоит уже терять время, размышляя о кризисе: в конце концов, работой надо заниматься на работе. Завтра с утра, ну, может, чуть позже, она подойдёт к директору и расскажет о своих предчувствиях. Хватит, наконец, использовать её способности на проверку рынков – это не входит в сферу её компетенции...

Глава 3

– Имеются также... эээ... некоторые... гм... недостатки в работе... эээ... головного отдела геомантии... В частности... ммм... гм... гм... иногда наблюдается... небрежное... кхе!.. отношение... к взаимодействию... да... к взаимодействию... эээ... гм... с коллегами... из других... эээ... региональных... эээ... бюро. Это... гмгм... эээ... зачастую... да... эээ... приводит к... эээ... ммм... увеличению... эээ... неоправданному увеличению... мнээ... гм... лимита... кхе!.. времени... гм... эээ... на меры... на... эээ... на... принятие... эээ... гм... мер по... стабилизационных мер... Эээ... Эта... мнээ... опасная... гм-гм... тенденция... приводит... мнээ... может привести... гм-гм... да...

Сейчас Гарасфальту можно было только посочувствовать. Стоящий за кафедрой в конференц-зале бюро остроухий мучительно изображал, что читает по бумажке доклад, его правое ухо, за которое он заложил свои красивые, вьющиеся, тёмные волосы, отчаянно пунцовело, каждые две-три секунды он нервно поправлял свои модные затемнённые очки на переносице, по-прежнему скрывавшие прискорбные последствия выяснения отношений с женой. Причём в его страданиях на этот раз не был виноват ни он сам, ни шустрая Лоринн, до позднего вечера, насколько знала Шуша, совместно доставлявшие редкое удовольствие охранникам здания, следившим за происходящим в отделе по магическим кристаллам. Всё было гораздо проще: на вчерашнем совещании в министерстве директору указали на крупные недостатки в оргработе бюро, потребовали устранить их в приказном порядке и предупредили, что завтра же с утра приедут в бюро с визитом – проверять исполнение.

В итоге директор, весь в мыле, сам прибежал к столу Гарасфальта, как только тот пришёл в офис, и «обрадовал» его известием, что ему как ведущему аналитику необходимо будет через полчаса выступать перед коллективом бюро и проверяющим из министерства с докладом об имеющихся недостатках. После ожидалось ещё и прения. Надо отдать остроухому должное: он сумел организовать и накидать себе каких-то заметок на полстранички. Для солидности он прихватил с собой целую стопку черновиков, – подложенные под страничку с заметками, они были призваны изображать собой обширный аналитический труд по устранению недостатков. Однако артистизма ему явно не хватало: уже битых сорок минут Гарасфальт пялился в один и тот же листок, не переворачивая страниц.

– Следует... мнээ... признать, что... эээ... не на... гм... кхе!.. уровне... должном уровне... эээ... находится... кхе-кхе!., находится... гм... работа... да... работа... отдела аэропроектов. Имеющиеся... эээ... недостатки... эээ... гм... например... эээ... отсутствие... кхе!.. работы... ммм... над... эээ... контролем... должным... эээ... да, контролем... за... контролем... за... эээ... исполнением... эээ... работ...

Шуша, сидевшая в предпоследнем ряду, не удержалась и прыснула в кулак. И удостоилась уже второго тяжёлого взгляда директора, сидевшего вместе с проверяющим за столом президиума. Первый она получила с полчаса назад, когда вместе с севшей рядом Юлечкой так увлеклась школьной игрой «в точки», что начала шумно вырывать у подруги исчерканный листик. Юлечка с тех пор сидела багровая и временами мелко тряслась от еле сдерживаемого смеха. Шуша, сама до боли сжимавшая челюсти, пытаясь согнать с лица непрошенную улыбку, толкала её локтем в бок.

Гарасфальт отчаянно дёргал очки и поправлял волосы за ухом, пытаясь придумать продолжение фразы о недостатках в работе отдела аэропроектов. Беда была в том, что, по большому счёту, бюро в принципе работало практически идеально и все недостатки объяснялись обычными сложностями координации заданий внутри большого коллектива и с такими же крупными коллективами – остальными региональными бюро. И остроухому аналитику это было известно как никому другому.

– Спасибо ведущему аналитику, Гарасфальту Элентирмовичу Аравендилю... – наконец сжалился над докладчиком директор. – Ну что, коллеги, переходим к прениям? Кто желает выступить?

Гарасфальт собрал свою пачку черновиков и спустился с кафедры. Слегка пошатываясь, как показалось Шуше. Зал безмолвствовал. Кто-то изображал глубочайший интерес к собственным ногтям (представители некоторых меньшинств – даже к ногтям на ногах), кто-то бешено строчил что-то в блокнотиках, вероятно, полагая, что с весьма большим артистизмом показывает начало большой работы по искоренению имеющихся недостатков. Обе стенографистки в разных концах зала, плавно жестикулируя, изображали, что заканчивают закливание конспектирования, но Шуша видела, что на самом деле они давным-давно дистанционно резались в народную игру горноориенталов «забей козла».

– Не стесняйтесь, поживее, господа! – воззвал к совести присутствующих представитель министерства, которому явно тоже было необходимо отчитываться перед своим начальством о проведённом собрании.

Шуша вытянула руку Директор испытующе посмотрел на неё, подняв одну бровь.

– Пожалуйста, пожалуйста! – позвал её представитель министерства.

– Александра Ивановна, наш ведущий геомант, – представил её директор.

Всю дорогу до трибуны Шуша чувствовала направленные на неё взгляды. Но её уже несло.

– Вот мы выслушали доклад уважаемого коллеги, – начала она. – Он совершенно справедливо указал нам на целый ряд серьёзнейших недостатков, имеющихся в нашей работе. Так давайте же вместе работать над их устранением! А что для этого нужно, коллеги? Необходимо подумать над этим вопросом сообща! Только так мы сможем добиться улучшения нашей совместной работы! А чтобы подумать об этом сообща, необходимо, чтобы каждый, каждый без исключения сотрудник бюро заглянул внутрь себя и задумался над тем, что мешает ему работать лучше! Какие именно препятствия в нашей, без сомнения, трудной и сложной работе, которую мы делаем все вместе, мешают устранению этих недостатков? Почему мы не можем работать лучше? Ведь таким образом каждый сотрудник нашего бюро может решить хотя бы одну проблему! И мы, безусловно, только так сможем устранить все без исключения недостатки, имеющиеся в нашей работе!

Подняв взгляд, она увидела, что Юлечка в предпоследнем ряду постепенно пригибается, пытаясь скрыться за спинкой кресла, – она побагровела от смеха так, что Шуша всерьёз испугалась за её здоровье. Она нервно перевела взгляд на стол президиума – не замечает ли поведение подруги директор? Но тот уставился на неё с таким изумлением, что его брови, казалось, скоро сольются с линией роста волос на лбу. Представитель министерства рядом с ним, подперев голову рукой, с благосклонной улыбкой заворожённо покачивался в кресле. Шуша решила не останавливаться.

– Подчеркну, коллеги: чтобы устранить имеющиеся недостатки, необходимо, чтобы каждый сотрудник нашего бюро смог решить хотя бы одну проблему! И тогда мы, конечно, сможем работать лучше! Ведь для этого надо, чтобы каждый задумался, какие именно препятствия в нашей, без сомнения, трудной и сложной работе, которую мы делаем все вместе, мешают устранению замеченных коллегой недостатков? Об этом необходимо задуматься, заглянув внутрь себя, каждому! И понять, что мешает ему работать лучше! После этого мы сможем подумать над этим сообща! А что для этого нужно, коллеги? Необходимо вместе работать над их устранением! И вот тогда мы сможем добиться победы над целым рядом серьёзнейших недостатков, на которые нам указал в своём докладе коллега!

Она вновь бросила взгляд на стол президиума. Директор, откинувшись в кресле, тайком от увлечшегося Шушиной пламенной речью представителя министерства показывал ей увесистый кулак. Шуша поняла, что пора сворачивать креатив.

– И напоследок, коллеги, хотелось бы сказать о двух крупных недостатках в работе бюро, упоминание которых не входило в планы предыдущего докладчика, – она кивнула обалдело плящущему на неё Гарасфальту и перевела взгляд на откровенно веселившегося до сих пор сисадмина. – Это компьютерное обеспечение.

С лица нативного горца слезла улыбочка, он уставился на Шушу во все глаза.

– Да! Это совершенно безобразное компьютерное обеспечение! – выдержав взгляд рыжего, она перевела глаза на директора, который так и замер за столом. – Которое мешает нам устранить множество серьёзнейших недостатков, на которые указал нам предыдущий докладчик!

Она, не обращая внимания на бурно жестикулировавшего теперь сисадмина, вновь кивнула Гарасфальту. Тот уже улыбался, поняв суть трюка, проделанного Шушей.

– И наконец, самый важный вопрос. Коллеги, нам необходимо всерьёз озаботиться уровнем нашей политкорректности. Повышать, повышать и ещё раз повышать его – это основная задача, которая стоит перед нами! Только по-настоящему повысив политкорректность, мы сможем действительно устранить те серьёзные недостатки, которые имеются в нашей работе! Всем спасибо!

Ошеломлённые её натиском, коллеги несколько секунд сидели молча. Затем раздалась пара одиноких растерянных хлопков, к хлопнувшему присоединился кто-то ещё, и вслед за этим на Шушу, идущую к своему месту, обрушился шквал аплодисментов.

– Бо... же... мой... – еле выдавила из себя Юлечка, пытаясь вытереть выступившие от смеха слёзы исчерканным точками и линиями листочком. – Ну ты даёшь! Я же теперь... летать три дня... не... смогу, у меня... все мышцы... болят!

Всё ещё хихикающие после собрания коллеги одобрительно похлопывали Шушу по спине и нахваливали её ораторский талант, позволивший и коллективу лицо сохранить, и самой ей добиться своих целей, когда она услышала в голове нежный звоночек – обычный сигнал телепатического вызова. «Слушаю!» – отозвалась она мысленно. Лиля, секретарь директора, молодая симпатичная техноориенталка, маг шестой степени с перспективой роста, отозвалась: «Шуша, срочно к Гришнаку Углуковичу!». – «Сейчас, докурю!» – ответила Шуша и тотчас почувствовала, как напряглась секретарша, пытаясь передать ей мыслеобраз: по неопытности у неё это получалось не всегда. Она подождала, пока Лиля сосредоточится, и через несколько секунд, со вздохом ответив ей «Иду, иду!», выбросила недокуренную сигарету. Мыслеобраз был устрашающим: директор, раздражённо бросив телефонную трубку, прорычал: «Где эта... Эта... Дурила картонная?! Чтобы через секунду здесь была!»

– Ну что, доигралась? – встретил её директор. – Устранила недостатки? Повысила политкорректность?

Его смуглое лицо переливалось сейчас всеми оттенками тёмно-красного, хотя начал он с кажущимся спокойствием в голосе, почти вкрадчиво. Шуша предпочла промолчать, посмотреть, что будет дальше.

– Сложно было сдержаться? Распирало тебя, что ли? Ты хоть понимаешь, какую волну подняла?! – Гришнак Углукович, и так уже тлеющий, постепенно распаялся.

Шуша, глядя в пол, изображала раскаяние. Впрочем, не сказать, что особо глубокое.

– Компьютерное обеспечение тебе?! Сделаем, будь уверена! А сколько мне теперь бумаг писать, ты подумала?! Уровень политкорректности повышать?! А в голову твою не пришла мысль, что теперь мне же отбrehиваться от лекторов, чтобы вы тут работать могли, а не лекции по политкорректности слушать?! Не пришла?!

Шуша отрицательно качнула головой, начиная понимать, что директора она и впрямь подставила.

– А что теперь проверяльщик таких понаедет с блокнотиками после твоего выступления – это как?! Мне прикажешь всё бросать, и только и делать, что отвечать им: да, задумались, да, провели работу, да, каждый внёс свою лепту! Ещё, чего доброго, и делегаций из бюро понашлют: опытом делиться! Ты с ними опытом делиться будешь, а?

Шуша покаянно вздохнула и наконец подняла глаза на Гришнака Углуковича: судя по тону последних высказываний, он постепенно остывал. Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза. Она – соорив извиняющееся выражение лица, потому что внутренне понимала, что боевитость и энергия директора не позволят парализовать работу бюро. Он – сначала сердито, а затем всё более смягчаясь.

Внезапно Гришник Углукович закрыл лицо руками, его плечи затряслись. Шуша с удивлением поняла, что он смеётся.

– Оооох, горе ты моё... «Коллеги, нам необходимо всерьёз озаботиться уровнем нашей политкорректности!» – отсмеявшись, довольно похоже изобразил он Шушу на кафедре. – «Каждый сотрудник бюро должен решить хотя бы одну проблему!». Уйди с глаз моих, чтобы я сегодня тебя не видел! Бери выходной и завтра раньше двенадцати чтобы ноги твоей здесь не было! Пока в министерстве всех не успокою... Комп у тебя, считай, тоже только завтра готов будет. Ну, что стоишь? Отдыхать, я сказал!

Шуша мрачно вздохнула.

– Не уйду Гришник Углукович... Не могу. Мне уже второй день надо с вами поговорить...

– Серьёзно? Тогда ладно. Я занят, Лиля! – рявкнул директор в трубку и бросил её на рычаг. Потом снова набрал номер на селекторе и сказал:

– Лилечка, соединять, только если из министерства! Мыслеобразы не принимаю!

После краткого и торопливого рассказа директор поднял взгляд на Шушу, сердито вздохнул, поджал губы и со скрежетом почесал когтями подбородок.

– Тогда почему другие не чувствуют ничего подобного? – спросил он.

Шуша пожалала плечами. Напоминать директору, что это она ведущий геомант со способностями мирового уровня, и, соответственно, даже Ярик, геомант-региональщик, не говоря уже о стажёрке Анжелике, вряд ли сможет предвидеть кризис сейчас, когда он только приближается к «горизонту событий», было как минимум нетактично.

– А может, в других бюро тоже чувствуют некоторые... – расплывчато высказалась она. – Только, как и я, выжидают. Потому что понять не могут, что это.

– Хм... А ты точно уверена, что со стороны Солнца кризис надвигается?

Шуша кивнула и на всякий случай повторила уже сказанное:

– И ещё меня поражает, что не могу совершенно никаких деталей нащупать... Только ясное ощущение чуждости... И странности...

– Что бы это могло быть... – Гришник Углукович в задумчивости устремил взгляд в потолок, по-прежнему теребя когтями жёсткую щетину на тяжёлом подбородке, и вдруг встрепенулся. – Знаешь что? Я, пожалуй, вот что сделаю. Прикажу аэропроектникам пошурдеть на сайтах астрономических, – вдруг накопают чего... Мусора, они, конечно, тоже много принесут, но, если какой-никакой любитель хоть что-то публиковал об увеличении солнечной активности или там о возмущениях магнитных полей, – они выкопают, они ребята добросовестные. Тем более, что потом проблемы в атмосфере им расхлёбывать...

– Может, предупредить их, чтобы интересовались даже самыми необычными наблюдениями и предположениями любителей? Даже если тех профессионалы осмеивают? – предложила Шуша.

– Да, да... – задумчиво подтвердил Гришнав Углукович. – А сам я тем временем справки у самых-самых профессионалов в обсерваториях наведу. Чтобы инициатива от меня исходила, это повесомее будет. А ты, вот что. Действительно, иди-ка домой. Дома ведь сеть есть?

Шуша кивнула.

– Вот из дома и свяжешься с остальными геомантами-мировиками – нечего бюро подставлять опять. И спрашивай тактичненько, издалека, что называется. Чтобы мне ещё раз!.. – с намёком погрозил он кривым когтистым пальцем.

В квартире было пусто и тихо. Свекровь наверняка после работы пойдёт посидеть с подружками в клубе, как обычно по четвергам, а сокровище ещё с утра унёсся на какую-то профессиональную медицинскую конференцию и отправится на дежурство прямо с неё. «Может, и впрямь завести ребёнка?» – подумала Шуша, раздеваясь: в тишине прихожей каблучки сапожек цокали очень громко.

Хотелось есть и спать, но если первое желание легко выполнимо, то второе придётся отложить. Лучше завтра отдохнуть лишние два часа, раз уж директор разрешил прийти на работу к двенадцати. Связываться с геомантами других бюро надо сейчас.

Пообедав, Шуша задумалась. В принципе, коллеги американские и тихоокеанские отпадали сразу, в силу слишком большой разницы во времени: при современной загруженности геомантов ночью им всё-таки надо спать, чтобы нормально работать днём, а не болтать по сети, пусть даже и на профессиональные темы.

Иностранными языками она владела не сказать, чтобы хорошо, в школе кое-как уделила внимание лишь английскому. Мишель, ведущий геомант бюро в Париже, немного знал и английский, и русский. Объединив свои познания, они вполне могли общаться. Но, посмотрев в окно, Шуша отрицательно покачала головой: уже начинало смеркаться, значит, в Париже как раз разгар рабочего дня. Отвлекать Мишеля от снижения вероятности железнодорожной аварии в районе Южного Прикарпатья не стоит.

Серёга из Владивостока давно уже дрыхнет, так что оставался только один выход: Настя из Новосибирского бюро. Проблема только в одном: она была с ней практически незнакома, общалась только пару-тройку раз на профессиональные темы.

Вздыхнув, она пошла в комнату и включила компьютер: выхода не оставалось.

К счастью, Настин ник в скайпе светился зелёным. Впрочем, если бы её не было в сети, Шуша просто позвонила бы ей по мобильнику и попросила подключиться, хотя, конечно, делать этого не хотелось из-за её незнания реалий Настинной жизни.

«Привет, Насть!» – начала писать она, но даже не успела послать сообщение: Настя написала сама.

«Наконец-то ты! Привет! Я целый день тебя искала».

Шуша пожалала плечами, боясь и надеясь одновременно, и написала:

«Что случилось-то?»

«У вас там, говорят, какое-то эпохальное собрание было? Что там ваш нативный кочевник придумал?»

«Да так, мелочевка. Проверяющие из министерства набросились. Ну и провели собрание», – ответила Шуша, про себя подумав, что в наше время новости стали распространяться слишком уж быстро.

«Ну, значит, скоро и до нас руки дойдут...» – написала Настя, присовокупив к ответу унылый смайлик.

«Не хочется слушать речь о недостатках, имеющихся в работе?» – спросила Шуша.

«Очень. Ещё в школе ненавидела всю эту отчётную мутовень».

«Понимаю. Но зато у меня выходной в итоге до двенадцати завтрашнего дня!»

«Что это ваш Гриштак добрый такой стал? Или ты что-нибудь ляпнула на собрании?»

«Ляпнула, было дело. Я тебе потом письмом кину если хочешь».

«Так ты дома, что ли?» – наконец дошло до Насти.

«Ага. Отдыхаю».

«Вот я надеялась дома тебя застать сегодня! Не хотела по рабочей сети переговариваться».

Шушино сердце сжалось от предчувствия.

«А что так?» – спросила она.

«Да интересно мне кое-что... То ли паранойя у меня развивается по полной... То ли осень на мозги так влияет... То ли в отпуске долго не была...»

Шуше хотелось написать Насте «Не тяни!», но она сдержала себя, несколько раз глубоко вздохнула, сосчитала до десяти и напечатала с ощущением, что «приговор окончательный и обжалованию не подлежит»:

«Ты о том, что приближается со стороны Солнца?»

Настя долго не отвечала, Шуша аж взмокла.

«Со стороны Солнца? Не замечала такого. Но знаю, мы по-разному с тобой чувствуем... Всё равно, наверное, речь об одном и том же. Что-то совсем другое. Совсем. Прямо тоска наваливается... Ну, я объяснить иначе не могу».

Расправив плечи, Шуша откинулась в кресле. Сомнений у неё больше не осталось.

Глава 4

Ветер был несильный, но его вполне хватало, чтобы сдувать с деревьев в сквере последние листья. Дождя не было уже второй день, но асфальтовые дорожки всё равно оставались мокрыми, – такое уж влажное время – осень.

Летом обычно полный молодёжью и бабушками с внуками, а теперь – совершенно пустой, сквер производил печальное впечатление. Но Шуша всё равно, взяв баночку пива после работы, решила прогуляться до метро через него, а не идти коротким путём по людной улице. Вечер этой субботы не располагал её присоединиться к общему приподнятому по случаю выходного дня настроению.

Завтра поменяется погода, пойдёт снег. И последние листья этого года упадут на землю вместе с ним. Он, правда, продержится недолго, всего пару дней, и то только на окраинах города. Продержится ли хотя бы столько информация о кризисе в тайне?

Уже третий день в Восточно-Европейском бюро, и уже второй – во всех остальных был негласный аврал. Именно поэтому суббота и воскресенье были объявлены рабочими днями для всех, а не только для дежурных, как обычно. Уже поздно вечером в среду, после обсуждения проблемы, Настя и Шуша вместе связались с Мишелем, а тот ещё спустя пару часов – с ведущими геомантами американских бюро. И уже к полудню четверга, когда Шуша пришла на работу, картина была ясна.

Способность к геомантии, самая редкая из всех магических, к тому же, обнаруженная до сих пор исключительно у техноориенталов, которые к любым магическим талантам были склонны гораздо менее других рас, до сих пор оставалась изученной очень плохо. Поэтому объяснить, почему одни геоманты чувствуют так, а другие эдак, почему, чтобы не случилось чего-то опасного, одни предлагают изменить то, а другие – это, ни один учёный или маг был не в состоянии. Как, впрочем, и сами геоманты. Их учили действовать по принципу наименьшего вреда, они и старались это делать. В многоступенчатой системе со сложными взаимосвязями, которой являлся мир, у каждого из них был свой привычный способ добиться того, чтобы трепетание крыльев бабочки в Китае не вызвало тайфуна в Южной Америке. Кто-то мог предложить пересадить дерево, чтобы оно погасило листвою колебания воздуха на пути воздушного потока, кто-то – зажечь костёр в определённом городе Японии, чтобы тепловая энергия, аккумулированная этим потоком, в итоге заставила бы будущий ураган пролиться лёгким безобидным дождём над Тихим океаном, кто-то пересадил бы цветок, чтобы бабочка не могла сесть на него в ключевом месте, а кто-то предложил бы отколоть крупный айсберг от антарктического ледника, чтобы разбавить холодной водой массив нагретой тропической, над которым и зародился бы циклон.

Но привычный способ – это ведь всего лишь производное от личных способностей. Они у ведущих геомантов мирового уровня не отличались по силе, да установить это можно было только по результату воздействия: он всегда был одинаковым. Поэтому бюро просто договорились между собой, что решения принимаются теми, кто находится на вахте в настоящий момент, а в сложных случаях – коллегиально.

Как оказалось, ощущали приближение кризиса все ведущие геоманты и даже несколько рядовых сотрудников со способностями регионального уровня. Но ощущали по-разному. Шушино чёткое предчувствие, что «нечто» приближается со стороны Солнца, косвенно подтвердил только Мишель: он заявил, что кризис придёт днём с неба. Лейла из бюро в Дели сообщила, что кризис начнётся в крупном лесном массиве, судя по видам деревьев в мыслеобразе, который у неё сформировался, – в Европе или в Северной Америке. Североамериканские коллеги, что из Восточного, что из Западного бюро, проявили редкое среди

геомантов единокорые, сказав, что оба чётко ощущают лишь связь с серым или металлическим цветом. Представитель Южно-Африканского бюро в Йоханнесбурге и геомант из Восточно-Азиатского в Японии пока ещё не выделили в своих предчувствиях каких-либо характерных деталей. Зато Джози из Тихоокеанского единственная назвала чёткую дату «восхода» кризиса над горизонтом событий. И дата эта оставляла мало надежд при таких расплывчатых ощущениях у всех геомантов: это была всего лишь среда следующей недели.

Шуша задумчиво подкидывала острыми носками уже вышедших из моды, но очень нравившихся ей, сапожек листья на краю газона в сквере: здесь они, в отличие от упавших на мокрую дорожку, ещё не набрали влаги. «Ну и что дают нам все эти сведения? – подумала она. – А ничего. Кроме собственно даты, всё равно получается слишком большой разброс возможных событий. Среди дня с неба в лес то ли в Европе, то ли в Северной Америке, свалится кризис». Своё ощущение, что он как-то связан с Солнцем, она уже и не упоминала в разговорах с сотрудниками. Гришник Углукович совместно с директорами других региональных бюро успели за прошедшие два дня опросить астрономов-профессионалов, – те не замечали пока ровным счётом ничего необычного. Безрезультатным остался и тщательный поиск на форумах любителей, – даже самые шизанутые из них, те, кто в восьмикратный бинокль впервые для себя обнаруживает Плеяды и потом кричит на всю сеть о совершённом ими открытии, отчаянно путая понятия «туманность» и «комета», не смогли ничем «порадовать»...

Она чуть улыбнулась, вспомнив, как пару часов назад Гришник Углукович, покрывавшая от смущения, отдал, наверное, самое сумасшедшее в своей жизни поручение отделу аэропроектов: соблюдая секретность, тщательно мониторить сайты и форумы уфологов. «Да, да! – раздражённо сказал он в ответ на изумлённый взгляд начальника отдела. – Тех самых полоумных придурков, которые считают, что форма облачка – это тайный сигнал братьев по разуму!»

– Дык вот я и говорю: что же это за политкорректность такая, что с людьми такое делают?

Ещё перед дверью квартиры Шуша услышала голос Сергей Палыча, двоюродного брата свекрови, и поняла, что отдохнуть не удастся. Сергей Палыч приезжал редко и ненадолго, но, что греха таить, в редкости и краткости его визитов была особая прелесть: каждый раз казалось, что если он пробудет хотя бы ещё часа два, свекровь и сокровище сами предложат ему убраться. Дело было, к счастью, не в скандальности или дебоширстве Сергей Палыча, а в том, что он умудрялся как-то удивительно занудно талдычить о своих проблемах, по сто раз пережёвывая одно и то же.

Семья уже сидела за столом. Шущин любимый пирог с мясом, солёные огурчики и квашеная капуста прилагались. Со стороны Сергей Палыча были выдвинуты кандидатуры маринованных рыжиков и груздей, а также две бутылки водки. Несмотря на изобилие, свекровь и сокровище сидели мрачные: видимо, за несколько часов уже успели приобрести лёгкий заворот мозгов.

– Дык вот я и говорю, почему так происходит? – продолжал Сергей Палыч, едва поздоровавшись с Шущей. – Как так: меня, заслуженного человека с опытом, увольняют, потому что какая-то вертхвостка-дриада на моё место пришла? Я их спрашиваю: она какой-никакой институт закончила? Она что-нибудь в лесном деле понимает? Я потомственный лесничий, сорок лет лесу отдал, а они меня на пенсию теперь? И что они мне говорят, знаете? Она, мол, в институтах не нуждается, она, мол, всем потомственным лесничим потомственный лесничий! И ещё и оштрафовали за то, что дриадой назвал! Сказали, что я теперь её, знаете, как звать должен?

Сергей Палыч внушительно, как ему показалось, поднял указательный палец.

– Фе-ми-но-ден-дро-фил! Тьфу, чёрт! Это ж извращение какое-то! И сказать противно, и представить страшно!

Шуша, подсаживаясь к столу, вклинилась в маленькую паузу, которую сделал он:

– Сергей Палыч, а вас-то что, совсем на пенсию отправили?

– Представь себе! Совсем! Мне уж начальник мой сочувствовал-сочувствовал, жалел-жалел, и то: двадцать три года меня знает, а сделать ничего не смог! Пришла бумажка в само райлесничество: поднять уровень политкорректности, принять на работу представителей меньшинств! И подмахнули они там, не глядя! А я ведь, смотри, какой! Я, хоть и шестьдесят мне уже, в одиночку бревна столетние таскать могу!

Он согнул руку, демонстрируя бицепс. В сущности, мог бы этого и не делать: от него действительно так и веяло здоровьем, что странно было ожидать от такого занудного субъекта.

– Так вот я теперь и приехал. В области-то я правды не найду, они там все между собой... Ээээ! В министерстве, может, примут в понедельник... Ну как так можно? Меня! Меня! Я лесу сорок лет отдал, а теперь там какая-то фе-ми-но-ден-дро-филка работать будет? Ну, представьте: так и сказали, что всем потомственным лесничим потомственный лесничий! А я их спрашиваю: а она вам за браконьерами гоняться по ночам будет? А будет сухой убирать, лес чистить? Она же баба хлипкая, хоть и вертихвостка. В чём душа-то держится! А я всё это могу! Я ого-го ещё какой!

Он снова продемонстрировал бицепс, и Шуша, пользуясь паузой, снова встряла:

– Но с вами-то тоже непolitкорректно поступили! Вы и должны напирать на это в министерстве! Вы же хронологически одарённый, вас увольнять нельзя, пока сами не захотите уйти! Если уж снимать вас с участка, то не совсем отправлять на пенсию надо было, а найти вам другую работу!

Судя по всему, эта мысль была совершенно неожиданной для лесника. Он застыл на несколько секунд, созерцая Шушу, впившуюся в любимый пирог.

– Как говоришь? Хронологически одарённый? Не знал, не знал... – произнёс наконец он.

– В общем, я думаю, надо вам напирать на незаконность увольнения. Не рассказывать о том, что вместо вас вертихвостку взяли, а то ещё раз штраф впаяют, а на то, что вы – тоже пострадавшая сторона, – объяснила Шуша ещё раз.

В принципе, она не особенно надеялась, что это поможет Сергею Палычу. В ситуации, когда задетыми одновременно оказывались права меньшинств и права техноориенталов, негласные основы политкорректности требовали, чтобы техноориентал отступил. Но, если Светлана Семёновна завтра, пока Шуша и сокровище будут на работе, сможет подробно проработать с двоюродным братом его речь в министерстве, шансы на успех существовали, и довольно неплохие. Всё-таки бумажку, благодаря которой Сергей Палыч стал пенсионером, тоже наверняка в министерстве издали. И нарушение прав хронологически одарённой части населения в данном случае было налицо.

– А давай-ка выпьем за это! – сказал Сергей Палыч и, схватив бутылку, поискал глазами Шущину стопочку. Не найдя, собрался встать, чтобы взять пустую рюмку сокровища, который не пил перед дежурством, но она остановила его.

– Не надо, Сергей Палыч. Не люблю я её, знаете же.

– Да ладно, за такое дело можно!

– Не нужно, дядь Серёж! – поддержал Шушу сокровище. – Говорит же человек!

Сергей Палыч сел и внимательно посмотрел на обоих.

– Что, прибавления ждём? – спросил он хитро.

Шуша вздохнула, а сокровище бросил на неё мрачноватый взгляд.

– Нет пока. Да и к тому же уже пивка выпила, – сказала она.

– Но месяцев через десять ждём вас на крестины! – твёрдо заявил сокровище.

Шуша ещё раз вздохнула, подумав о надвигающемся кризисе. Она теперь боялась самого худшего развития событий. Например, что, возможно, крестить скоро будет некому и некого...

Сокровище встал, потянулся и сказал:

– Ну ладно, пойду я уже собираться. Сегодня летучка перед дежурством, надо пораньше прийти.

Она вошла в комнату, прикрыв за собой дверь: Сергей Палыч по-прежнему бубнил в кухне про своё увольнение. Сокровище переодевался. Шуша, недовольно поморщившись, подняла его джинсы с разобранной постели, переложила на кресло и села перед компьютером, созерцая процесс натягивания носков стоя.

– Давай повалеемся? – предложил сокровище, и, подойдя к ней, притянул Шушину голову к своему животу.

– Не опоздаешь? – пробурчала Шуша ему в пузо.

– Да пять минут-то всегда есть.

Они завалились на кровать, сокровище приобнял Шушу за плечи, и она с удовольствием положила голову ему на грудь. Несколько секунд прошли в молчании.

– Что там у вас такое стряслось-то? – спросил он наконец.

– Да так... Ничего... – ответила она, решив не тревожить его.

– Ты думаешь, я ничего не заметил? – с усмешкой спросил он. – Я же помню, как вы работали, когда в Иране землетрясение предотвращали... И потом ещё, когда в Индонезии цунами должно было случиться...

– Ты понимаешь... – Шуша хотела объяснить ему про режим секретности, но сокровище не дал ей сказать.

– Да и, знаешь, трудно как-то не понять, когда два таких звонка за день!

Шуша насторожилась. Грудь сокровища сразу почему-то показалась очень жёсткой.

– Что за звонки?

– Один – из «Интерфакса» корреспондент, не представился, просил тебя. А второй – журналистка из «АиФ», имя не запомнил, эльфийка какая-то. Спрашивала, правда ли, что бюро переведено на режим чрезвычайного положения.

Шуша закрыла глаза. Вот и всё. Кризис уже, можно сказать, наступил. Не важно, что на самом деле до него осталось ещё три дня: газеты и агентства раструбят о происходящем всего через несколько часов, если уже не раструбили.

– Что ты им сказал? – спросила она.

– Ну, знаешь, я не маленький. Сказал, что понятия не имею, о чём это она, а ты ушла в гости и будешь поздно вечером.

– А тому, первому?

Сокровище лежа попытался изобразить пожатие плечами.

– Да то же самое! – несколько раздражённый её подозрениями, сказал он.

– Спасибо! – ответила Шуша, повернулась поцеловать его и задумалась.

В том, что звонили не на работу, а домой, не было ничего необычного. Служебные телефоны сотрудников бюро засекречены, всем известен был только номер «горячей линии». Найти же домашний номер проблем не составляло: достаточно заглянуть в любую базу данных москвичей. В принципе, в прошлом, когда ликвидировали Индонезийское цунами и землетрясение в Иране, которые грозили десятками, если не сотнями тысяч жертв, Шуше тоже называли домой. Но по обеим этим операциям был проведен грамотный пиар, начиная от организованной утечки в прессу и заканчивая публикацией после так и не состоявшихся стихийных бедствий наиболее вероятного количества жертв по городам и странам: руково-

дители бюро совместно решили, что необходимо поддерживать имидж на должном уровне. Но теперь-то, когда мир стоял перед лицом совершенно неизвестной опасности, неужели кто-то осмелился нарушить режим секретности? Впрочем, возможно, достаточно кому-то из рядовых сотрудников бюро иметь родственника или знакомого среди журналистов, чтобы те обратили внимание на аврал...

– Так что у вас там? – глядя Шушу по плечу, спросил сокровище.

Она вздохнула, помолчав.

– Ну, не хочешь – не надо. Только зря ты так. Знаешь же: сам никому не скажу, а тебя поддержу в любом случае.

– Ладно, – решила Шуша, освободилась из его объятий и села на кровати: почему-то так рассказывать было легче.

Сначала он слушал лёжа, потом потянулся, встал и сел в компьютерное кресло напротив неё. По мере рассказа он всё больше хмурился.

– Так... Я понял, – сказал сокровище серьёзно, когда Шуша закончила. – Только, знаешь, что я тебе скажу?

Шуша вопросительно подняла брови.

– Послушай меня, как врача, пожалуйста. Вас всех волнует сейчас не только и не столько сам кризис, это точно. Вы привыкли ощущать мир с детства, всегда, каким бы там непонятным способом вы это ни делали. Это как часть вашего тела: ампутировать, удалить это чувство, – и вы ощущаете беспомощность и унижение. И в данном случае вас беспокоит именно это. Думаю, для вас всех знать о самом кризисе и не понимать, что это, где это и как произойдёт, – что-то вроде фантомной боли. Знаешь ведь, что это такое?

Шуша кивнула, улыбнувшись: сокровище очень точно описал её состояние.

– Когда ты... Когда вы все, геоманты, перестанете изводить себя этой фантомной болью и метаться, пытаясь понять причины и суть кризиса, вы сможете сосредоточиться и что-нибудь придумаете, понимаешь? Может, разглядите его за общим информационным мусором, может, просто примете все меры, которые только придумаете, чтобы максимально обезопасить мир от него... Не знаю, в общем. Но что работать будет легче – это точно!

Он посмотрел на часы и подскочил:

– Ух, всё, ещё пара минут – и опоздаю! – он кинулся одеваться. – Где мои джинсы?

Шуша, улыбаясь, показала на кресло.

– Вечно надо их куда-нибудь сунуть! Сейчас, в общем, позвонишь начальству, узнаешь, что там с корреспондентами. Наверняка всё нормально, не волнуйся, не кричат ещё на весь мир! А сама... Полно в аптечке успокоительного, возьми что-нибудь эльфийское, они полегче. И спать. А завтра утром – ацелас пососи, как общеукрепляющее подойдёт. Тьфу, чёрт!

Он раздражённо метнулся, подхватывая расстегнувшиеся часы на лету, и выскочил за дверь. Шуша встала, собираясь прибрать разбросанную одежду.

– Ах да! – сокровище, уже полностью одетый, снова сунул голову в приоткрытую дверь. – Эсэмэсни там это всё друзьям своим региональным! Пока!

Дверь хлопнула, из-за неё донёсся голос сокровища: «Пока, мам! Пока, дядь Серёж!» – потом хлопнула уже дверь входная...

Шуша подошла к телефону и набрала номер Гриشناка Углуковича.

– Значит так, – сказал он мрачно, едва Шуша поздоровалась. – Тут полно журналюг поганых перед входами. Кидаются на всех, кто входит или выходит. Завтра придёшь – иди через четвёртый корпус, про него они так и не прознали пока. Бери с собой вещи и всё необходимое: переходим на казарменное положение. Во избежание утечки, так сказать.

Глава 5

Статуе Ганди не везло хронически: на этот раз на коленях, плечах и даже голове Махатмы восседала не лёгкая чирикающая стая, а множество телевизионщиков, некоторые очень даже в теле. Завхоз давно уже плюнул, матерясь, сгонять с только недавно сиявшей, начищенной дворниками скульптуры, новых непрошенных гостей. Те сидели довольные и то и дело наводили камеры на любого сотрудника бюро, которому вздумалось подойти изнутри к широким окнам здания.

Двор был напрочь перегорожен огромными фурами передвижных вещательных теле-радиостанций и микроавтобусами со спутниковыми антеннами на крыше. Журналисты, которых так и не пустили в само бюро, поочередно выходили в эфир, освещая двор своими осветительными приборами, и тут же, в небольшой палатке, подкреплялись и писали тексты на ноутбуках. И чудовищно сорили. Две жалких урны перед входом, всегда стоявшие там, давно были погребены под горами мусора, и теперь бумажные стаканчики из-под чая и кофе и пустые пакеты кидались разгульным ветром прямо под ноги. Дворники с безобразием не справлялись давно, попытки прибраться хотя бы ночью успехом не увенчивались: журналисты попросту гнали их, поскольку эфиры были круглосуточными, а телевизионщики боялись, что фигуры с метлами и вёдрами испортят кадр.

Шуша прижалась лбом к холодному стеклу окна и закрыла глаза, пытаясь хоть немного расслабиться. Она вспомнила, что творилось во дворе сутки назад, когда журналисты пытались силой пробиться в здание. До этого два дня подряд они атаковали бюро через юристов, напирая на конституционное право населения на свободу получения информации. Точно такая же ситуация творилась и в других региональных бюро, и попытки штурма удалось предотвратить только с помощью спецназа Отдела по чрезвычайным ситуациям Организации Объединенных Рас, сами региональные МЧС в расчёт уже не брались. Правда, всё равно пришлось пойти на компромисс: тут же, во дворе, спустя несколько часов прошла пресс-конференция, на которой Гришнав Углукович и Гарасфальт выдали чётко отмеренную и согласованную с Отделом по ЧС дозу информации: да, геоманты почувствовали некий кризис, но пока что сообщать подробности рано, идёт изучение обстановки. В сущности, эти конференции во всём мире прошли по одному и тому же сценарию, и журналисты уже сутки пережёвывали полученное, пытаясь выудить что-то новое хотя бы из сопоставления между собой рассказанного им на разных языках. По мнению Шуши, это было просто мастурбацией, но если журналистам казалось, что именно так и надо выполнять свою работу, – пожалуйста.

В принципе, мир продолжал жить так же, как и до вечера субботы, до первых просочившихся в прессу сообщений о кризисе. Хотелось бы надеяться, что это из-за веры населения в защиту бюро МЧС, но Шуша сомневалась: она вполне представляла себе степень фатализма рядового населения.

Она вздрогнула: на Кавказе произошёл оползень, правда, небольшой и в удалённом от населённых мест районе. Недосыпание и усталость, с одной стороны, резко ухудшили её самочувствие и настроение, с другой – повысили чувствительность (хотя, вероятно, в этом были повинны огромные дозы кофе). Теперь ей не надо было особо прислушиваться, чтобы ощутить изменения в мире.

За окном комнаты отдыха, на которое инженер эксплуатационной службы здания самолично наложил по просьбе директора заклятие, напрочь затонировавшее стекло, как только во дворе стали появляться первые журналисты, уже вечерело. «Прилечь, что ли?» – подумала Шуша.

До кризиса оставалось меньше суток...

– Мы прозевали космос, – тяжело сказал Гришнак Углукович вчера на закрытом совещании между руководством и начальниками отделов региональных бюро, МЧС и Отделом по ЧС ООР, шедшему по магическим кристаллам. Остальные только покивали, соглашаясь.

Только теперь, после того как вечером в воскресенье отдел аэропроектов сообщил, что сразу на нескольких сайтах астрономов-любителей появились сообщения о странном объекте, на огромной скорости приближавшемся к Земле, прячась в лучах солнечной короны, все внезапно вспомнили, что ещё в пятидесятых годах у техноориенталов существовала программа по запуску на околоземную орбиту живых организмов, а в перспективе – и представителя разумных рас, если желающие найдутся. Вспомнили – и пожалели впервые о её закрытии. Что поделаешь, если космос был интересен только самим техноориенталам, а в многорасовом обществе найдётся ещё много нерешённых проблем, на которые требуются деньги...

Теперь же вокруг Земли крутились только спутники связи и погодного мониторинга, а также несколько исследовательских спутников, создание которых финансировали различные корпорации. Конечно, спутники были весьма многочисленны, но повлиять на ситуацию не могли никак.

Космос простирался над планетой, практически абсолютно неизвестный и не нужный её населению. Граница способностей геомантов совпадала с самой высокой орбитой спутника: он был ещё частью их мира.

А дальше лежала тьма. И в этой тьме к Земле приближался неизвестный объект.

– Ты спишь?

Шуша вздрогнула и очнулась: ей действительно удалось задремать, сидя в кресле перед окном. Гарасфальт аккуратно прикрывал за собой дверь. Трое суток недосыпания и на эльфе сказались не лучшим образом. Красивые волнистые волосы спутались и висели космами, синяки красовались теперь под обоими глазами, и невозможно уже было определить, усталость привела к их появлению или разборки с женой.

Она потёрла глаза:

– Да так что-то... Даже не поняла, заснула или нет...

– Гришнак Углукович сказал, чтобы все отошли от окон. Журналисты приволокли слухача, в ответ директор приказал, чтобы аэропроектники очистили двор от мусора самым эффективным способом.

Шуша хмыкнула, вставая. Идея со слухачом была неплоха, однозначно лучше, чем вчерашний визит во двор мага-телепата. Извлечь информацию из умов особо охраняемых персон он так и не смог, несмотря на все усилия: на то Гришнак Углукович, Гарасфальт, сама Шуша и ещё несколько руководителей отдела и специалистов и жили под защитой заклинаний Собственной службы безопасности бюро. Наложить же заклятия на все окна четырёх корпусов здания, чтобы слухач не смог по тонким колебаниям стекол установить, что за разговоры за ними ведутся, было практически невозможно: слишком большие затраты энергии.

Но в аэропроектниках можно быть уверенными: после того, что они предложат вниманию журналистов, вряд ли во двор рискнёт заглянуть хоть кто-то в течение нескольких часов.

– Эффектным или эффективным способом очистить двор? – уточнила с улыбкой Шуша, отходя от окна.

Гарасфальт ухмыльнулся.

– И то, и другое. Начальство сейчас уже прикидывает, что именно предпочесть.

– А утечки информации точно не будет? – Шуша кивнула на окно.

– Слухач только готовится. Приступит минут через пятнадцать, тогда наши и начнут.

Шуша подошла к автомату с напитками и налила себе порцию капучино. «Какую за день?» – подумала она. – Может быть, пятую, а может, и седьмую. – Она вздохнула.

– Ну что, пойдём?

Комната отдыха была невелика, и ей было понятно, что, если стекло разобьётся в случае применения эффектных мер, осколки могут долететь и до противоположной стены.

– Да ладно, – ответил Гарасфальт. – Есть кое-какое заклинание... Он плавно повёл руками, что-то шепча, потом сделал жест, словно захлопывая окно.

– Вот, – удовлетворённо сказал он. – Теперь даже вертолёт может врезаться, и ничего не будет!

Он посмотрел на Шушу.

– Прикольно же! – пояснил он. – Посмотрим!

Шуша улыбнулась, и они сели в кресла перед окном. Во дворе творился всё тот же бедлам, но Шуше показалось, что репортеры забежали с удвоенной энергией. Вероятно, действительно надеялись на эксклюзив.

– Слушай, ты действительно веришь, что эти, от Солнца, – братья по разуму? – спросил её Гарасфальт.

– Не знаю... – задумчиво протянула Шуша. – Пока ведь никаких сигналов от них не получили...

Ещё с ночи на понедельник по требованию Отдела по ЧС ООР почти все обсерватории Земли направили свои телескопы и радиотелескопы на неизвестный объект. За это время было выяснено множество его параметров, от альбедо (судя по показателю, он действительно был металлическим) и до скорости (вначале она была сопоставима с орбитальной скоростью Земли, но сутки назад объект начал тормозить). Ни разу никто не зарегистрировал от него ни радиоволн, ни магического излучения.

– Ну, это ведь может быть какой-нибудь... Ну, зонд... Или спутник, наподобие наших... Выйдет на орбиту – и будет налаживать контакт... – с робкой надеждой Гарасфальт произнёс то, на что уповали уже трое суток многие осведомлённые лица.

Шуша покачала головой.

– Понимаешь... Судя по всему, эти братья по разуму... Тьфу, что за формулировка такая – «братья»! От него же угроза исходит, какие они тебе братья ещё! Этот чёртов спутник или зонд должен рухнуть где-то на севере, и никаким контактом тут тебе и не пахнет!

– Ну, а может, просто вы так ощущаете этот контакт? Ведь мир изменится, и непредсказуемо...

Шуша вздохнула. Она тоже надеялась на это, но обсуждать собственные предположения сейчас казалось бессмысленным. Хотелось сказать Гарасфальту, что стоит подождать сутки, – и всё выяснится. Все геоманты полагали, что, приземлившись, объект станет доступен их ощущению мира, и тогда они смогут как-то на него повлиять...

Тут дверь грохнула, и на пороге нарисовался сисадмин Хард, нативный горец.

– О, вот ты где! – скалясь во весь рот, сказал он Шуше.

Шуша уже без малого неделю избегала его, не зная, как он может отреагировать при личной встрече на её выходку во время собрания. И теперь она немного напряглась. Глаза сисадмина лихорадочно блестели, то ли от возбуждения, то ли от усталости: все эти дни отдел компьютерного обеспечения в режиме форс-мажора модернизировал компьютеры и сеть бюро.

Но рыжий, по-прежнему радостно улыбаясь, подкатился к ней на коротеньких ножках и, схватив её ладонь, часто и сильно затряс.

– Батя распорядился удостоить тебя звания «Друг гномов»! Тьфу, «Друг нативных горцев»! Дерьмо тролличье, в жизни привык уже к этой политкорректности, а с наградами и легендами никак не разберусь... Тьфу, чертовня, – не тролличье дерьмо, а экскременты горноориенталов! Никак не запомню!

Он по-прежнему тряс Шушину руку и с радостной преданностью заглядывал ей в лицо.

– Ты не представляешь себе, сколько золота мы огребли! И это только от нашего бюро! А сейчас уже и остальные регионалы на модернизацию средства получили, клянусь маминной бородой! Золото-золото, золото! Золото, золото-золото! – пропел он популярный среди нативных горцев в этом сезоне мотивчик.

Шуша расслабилась. Судя по всему, ей удалось доставить настоящее счастье не только лично Харду Матплате и его, без сомнения, почтенной семье, но и всем нативным горцам в целом. Гарасфальт, глядя на них, хихикал в своём кресле.

Хард перестал трясти её руку и размашисто шлепнул её выше колена всей немаленькой ладонью. Шуша еле сдержалась, чтобы не поморщиться.

– Папочка хотел, чтобы ты завтра же прибыла для торжественного вручения нагрудно-наспинного знака, но я ему так и сказал: «Извини, батя, но у нас тут небольшая проблема! Решим её – я сам Шушу привезу, хоть на собственной бороде!»

– Спасибо, – ответила она. – А какой он?

– Кто? – не понял Хард.

– Нагрудно-наспинный знак.

– А, ничего страшного! Около тридцати кило, изображает собой посеребрённые доспехи, на груди и на спине золочёная надпись на языках всех рас: «Друг гномов». Тьфу! Это раньше было, а теперь «Друг нативных горцев». Чтобы союзники сразу за своего принимали, а враги – целились! Паф-паф! – изобразил он прицеливающегося врага.

Чуть подумав, Шуша решила всё же поблагодарить Харда.

– Эх, ладно, заболтался я, – махнул он рукой. – Пойду сосну, а то только что закончил последний комп. Какие же машины вы, техноориенталы, выдумали! Какие же машины! Моща! – он, уже направлявшийся к диванчику, стоявшему у противоположной стены, вдруг обернулся и, грозно подняв указательный палец, произнёс: – Но совершенно, совершенно не умеете с ними управляться!

Шуша с Гарасфальтом переглянулись, еле сдерживая смех.

– Эй, длинноухий! – неpolitкорректно крикнул Гарасфальту Хард, и тот нахмурился. – Ну, не обижайся, шучу. Ты уже то заклинание, что тогда в борделе-то использовал, наложил на окно? Когда та дендрофилка-то, помнишь, что учудила?

Гарасфальт густо покраснел и кивнул, пряча глаза от Шуши.

– А, ну класс! Золото-золото, золото! – пропел уже растянувшийся на диване нативный горец и вдруг безо всякого перехода захрапел.

– Смотри-смотри, начинается! – показывая на двор, сказал Гарасфальт.

Свою персону слухач, видимо, тоже решил подать эффектно, хотя бы в первый раз. Молоденький бритый налысо техноориентал в длинном кожаном плаще встал перед статуей Ганди, а телевизионщики с камерами и журналисты печатных СМИ с диктофонами выстроились полукругом перед ним, ожидая откровений. Слухач воздел руки к стенам бюро, взмахнул и что-то прокричал. Шуша хихикнула: она прекрасно знала, что на самом деле работа слухача не требует громких заклинаний.

По двору пронёсся первый, ещё лёгкий ветерок: аэропроектники не дремали. Впрочем, сюрприз они могли приготовить уже давно и просто настроили обратную связь, чтобы ветер поднялся точно с началом работы слухача.

Слухач опустил руки и медленно покачал головой, кажется, закрыв глаза, – с такого расстояния не разглядишь.

– Ищет нужные окна, – догадался Гарасфальт.

Ветер словно бы нехотя поднял одну скомканную бумажку, потом ещё несколько... Затем по двору закружилось сразу пять или шесть мусорных смерчков, вырастая на глазах. Один, посильнее, пролез за спину слухачу и встал там, как приклеенный, собирая в себя

весь мусор вокруг статуи Махатмы. Телевизионщики завозились, толкаясь: смерч портил им кадр, они пытались найти другой ракурс.

Лицо слухача озарилось радостью: похоже, он всё-таки обнаружил что-то ценное. И в этот момент ветер словно сорвался с привязи, аж стекла задрожали.

За какие-то мгновения двор превратился в котёл с пылью и мусором, на дне которого бессмысленно трепыхались журналисты и несчастный слухач, которому порыв ветра в первую же секунду залепил лицо большим полиэтиленовым пакетом. Кто-то пытался спасти технику, штативы которой не выдерживали напора ветра, кто-то спасался сам. Шуша увидела одного корреспондента, который сражался с ураганом за обладание собственной курткой, и на секунду обрадовалась, узнав в нём того настырного субъекта, который вчера вечером, во время попытки штурма, колотил в дверь бюро металлической «удочкой» от микрофона... Но тут же пожалела несчастного: куртку ему удержать не удалось, ветер, играючи, набил рукава её пластиковыми стаканчиками и скомканной бумагой и выбросил через забор бюро на уличный газон. Мусорный смерч поднимался всё выше и выше, на асфальте двора и возле урн перед входом уже не оставалось ничего, и журналисты, наконец, не выдержав, побежали, оставляя собственное имущество и технику.

– Тьфу! – вдруг раздражённо сказал Гарасфальт, и тотчас Шуша услышала звонок телепатического вызова в голове. – Никак не успокоится!

Лиля вызывала к директору всех начальников отделов и ведущих специалистов.

– Будить его? – спросила она остроухого, показывая на храпящего сисадмина.

Но тот уже зашевелился и принялся продирать глаза, неразборчиво ругаясь вполголоса.

– Пошли... – мрачно сказал Гарасфальт, когда тот встал. Смерч за окном собрал, видимо, весь мусор. Теперь он разделил основание на два ствола и аккуратно перешагивал трёхэтажный переход между корпусами бюро – нёс грязь на задний двор, куда, как почувствовала Шуша, заблаговременно подогнали КАМазы.

– Отдохнули? – приветствовал троицу Гришнак Углукович.

В большом кабинете, где за столом совещаний собрались уже почти все начальники отделов и ведущие специалисты, было душно и очень накурено: директор с постоянством хронометра бросал эту вредную привычку, но в критические моменты столь же неизменно возвращался к ней. Каждый раз он начинал с лёгких ментоловых техноориенталовских сигареток, но, не докурив и пачки, всегда переходил на привычную вонючую махорку нативных кочевников.

– Вижу, что нет. Предпочли развлечься зрелищем. До сих пор не поняли, что при чрезвычайной ситуации приказы, в том числе, приказы отдыхать, должны выполняться беспрекословно.

– У нас ещё не объявили чрезвычайную ситуацию. Или я что-то упустил? – спросил начальник отдела аэропроектов.

Он единственный выглядел довольным и свежим среди остальных руководителей: было видно, что многие с трудом держат глаза открытыми. А рядом с ним Шуша с удивлением обнаружила Юлечку, которая радостно улыбнулась ей и зашептала с соседом, видимо, прося подвинуться. Шуша направилась к ней.

– Объявят вот-вот, – сказал директор и обернулся к Шуше. – А ты куда направилась? Опять «в точки» играть? Нет, Юлианна останется там, а ты сядешь сюда!

Директор указал свободное кресло прямо перед собой. Юля состроила унылое лицо, и Шуша, вздохнув, направилась на другой конец кабинета.

– Так... – директор оглядел собравшихся, нажал кнопки на селекторе и рявкнул в него: – Лиля, где экоконтроль и охрану природы вечно носит?! Не можем начать без них!

Он отвернулся, прокашливаясь, и Шуша, садясь на указанное место, обратила внимание, что за его спиной на привычную доску для записей повешена кнопками большая карта – зона ответственности Восточно-Европейского бюро.

– Ладно, – начал директор. – Начнём без них. Представляю вам нового ведущего специалиста отдела аэропроектов. Свежеиспечённого, так сказать. Юлианна О'Нили. Назначена только что за находчивость, проявленную в ходе... гхм... ликвидации локального смерча, назовём это так.

Все усмехнулись. Юлечка встала и раскланялась, Шуша помахала ей рукой. В отделе аэропроектов уже больше полутора месяцев не было ведущего специалиста после ухода на пенсию прежнего, и не особо походило, что Гришнак Углукович или сам начальник отдела собираются назначать на эту должность кого-то. Видимо, Юлечка и впрямь предложила или сделала что-то особенное для «ликвидации локального смерча», раз уж её так быстро продвинули.

Дверь приоткрылась, и в щёлочке появилось лицо Рональда Дональдовича.

– Прошу прощения, задержались, окончательно разделялись с мусором на заднем дворе.

– Причина уважительная, – проворчал Гришнак Углукович. – Проходите.

И тотчас же дверь открылась вновь, и на пороге нарисовалась дриада Лоринн с папочкой под мышкой. Она, смущаясь, что-то пробормотала.

– Ты-то что тут?! – рявкнул директор. – Где Ираида Степановна? Где ваш... этот... Несс, в конце концов?

– Она... Эээ... пошла в город... У нее дети... А он... Эээ... Спит... Вот я и пришла... – пролепетала Лоринн.

Директор побагровел.

– Чтооооо?! – полузадушенно просипел он. – Начальник отдела спит?! Сейчас?! А ведущий специалист, значит, вообще к детишкам подалась?!

В нехорошей паузе собравшиеся в кабинете изо всех сил пытались изобразить, что их интересует всё, что только можно, но ни в коем случае не сам директор и не вжавшаяся в дверь краснеющая Лоринн.

– Быстро разбудить, и пусть, пока я тут с нормальными сотрудниками беседую, напишет мне объяснительную! А потом я сам... с ним... поговорю. Вон!

Лоринн исчезла. Директор разжал кулаки, несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь.

– Ладно, приступим, – наконец сказал он. – Как вы помните, астрономы утверждали, что, если объект сохранит ту же траекторию и скорость, он вообще пройдёт мимо Земли. Но, как мы уже знаем, траекторию и скорость он начал менять, и по предположению учёных, ближе к Земле он, вероятнее всего, начнёт маневрировать, чтобы выбрать место для посадки.

Все покивали, соглашаясь.

– Так вот, маневрировать он ещё не начал, но мы уже знаем, куда он, судя по всему, приземлится. Дамы и господа, новости у меня очень невесёлые, – директор постучал карандашом по столу, привлекая внимание, хотя все и так смотрели на него, не дыша. – Примерно два часа назад наш коллега-геомант из Восточно-Азиатского бюро наконец выдал важную деталь, которую он почувствовал. А затем к нему присоединился ведущий специалист Западно-Африканского бюро. В целом можно сказать так: объект приземлится или упадёт, не суть важно сейчас, у старинного города с заброшенными солеварнями, который как-то связан с известным техноориентальским поэтом, который в стихах предсказал себе смерть на христианский религиозный праздник Крещение.

В кабинете было слышно, как ползает по окну поздняя осенняя муха. Потом Рональд Дональдович глубоко вздохнул. Очень печально, как показалось Шуше. Она чуть удивилась:

когда они инспектировали рынок, начальник отдела экоконтроля не показался ей ценителем поэзии. Как, впрочем, и старинных городков. Хотя, может быть, он переживал из-за того, что понял: не повезло именно их бюро...

– Пока мы... гм... занимались ликвидацией локального смерча, в Центрально-Сибирском и Восточно-Американском бюро уже провели поиск. Всем условиям удовлетворяет только одно место. Это Тотьма. Вологодская область. Помните строчки Николая Рубцова? Хм, да вы даже не знаете, кто это!

Директор презрительно ухмыльнулся, глядя на смущённые лица сотрудников, встал и ткнул пальцем в точку на карте. Затем решительно, оставляя когтем царапину на глянцевой поверхности карты, очертил Тотемский район.

– Гхррм... «Я умру в крещенские морозы», мнда... Впрочем, ладно. Повторю, мы так и не можем сказать точно, куда именно объект... приземлится, а не рухнет, будем надеяться. Поэтому действовать будем по плану А. Сейчас уже начинается эвакуация жителей из города и района. К полуночи начнём проводить оцепление. Возможно, они сейчас думают, что внезапность на их стороне, но этого счастья мы им не предоставим.

Шуша даже не сразу поняла, кто это «они», задумавшись о масштабе работ. Понятно, что всех всё равно не отселишь, а самое главное – оцеплять придётся максимальную площадь, с запасом, что потребует огромных сил и затрат, а значит...

– Гришник Углукович, остальные бюро и силы МЧС тоже примут участие?

– Остальные бюро – пока нет. МЧС – частично. Пошлют свои части на оцепление. В общем-то, распределение ролей с этого часа таково: мы занимаемся сугубо объектом. Остальные бюро – по-прежнему всей Землёй. В случае необходимости нас поддержат чем угодно. Но – в случае необходимости. Всё ясно?

Собравшиеся покивали.

– Тогда так. Сейчас восемнадцать ноль восемь. Ну ладно, десять. Весь персонал бюро отправляется домой. Переоденьтесь, возьмите тёплые вещи, – в Вологодской области уже стабильно ниже нуля, ноябрь на носу. Вещи брать с запасом, удобные и практичные! Еду – только по мелочи, мы на полном обеспечении. Ну и всё, что кому нужно... В двадцать три пятнадцать по московскому будет обращение генсека ООР с объявлением о чрезвычайной ситуации. К этому времени всем быть здесь. Прослушаем обращение – и спать до завтра. Понятно? Если да – вперёд!

– А мы? – вытянул руку со своего места Хард.

– И вы с нами. Но спать сегодня не придётся. К вечеру получите партию ноутбуков взамен списанных, проверите их за ночь все! Чтобы ни одного гремлина, чтобы работали, как часы!

Нативный горец собирался возмутиться, но директор остановил его:

– Если всё сделаете, в Тотьме выспитесь! Будете спать больше всех нас!

Сотрудники уже выходили, но Шуша услышала, как Хард пробормотал мрачно:

– Ну да... Во сне, видать, и копыта там откинуть придётся, когда братья по разуму вразнос пойдут...

Глава 6

Город и впрямь жил в своём обычном режиме. Вероятнее всего, население давно уже не верило «ужасам», которые ежедневно демонстрировали ему журналисты.

В подземке, как всегда в час пик, царил толкотня и духота, но Шуша была рада, что отказалась от Юлечкиного предложения подбросить: за трое суток в бюро она соскучилась по незнакомым лицам и некоему «чувству реальной жизни», которое пришло к ней сейчас в переполненном вагоне. Несмотря на лезущие в глаза заголовки газет в руках у многих, здесь казалось, что никакого объекта, который завтра должен приземлиться в Вологодской области, никогда не было и не будет, настолько сильно доминировало в подземке ощущение повседневности. Всего лишь обычный вечер обычного рабочего дня.

В самом Ясенева всё тоже было, как обычно: стояли очереди у ларьков, хозяйки покупали овощи с лотков у выхода из подземки, гуляла группами крикливая молодёжь всех рас. Никакого ощущения «последнего дня» не витало в воздухе. И Шуша почти успокоилась, подумав, что визит небесных гостей вряд ли серьезно потрясет основы цивилизации, раз уж все настроены так повседневно. А ведь всего лишь в субботу она боялась, что может начаться паника... Впрочем, ещё неизвестно, что будет через несколько часов, после обращения генсека ООР: всё-таки журналистам выдали крайне купированную версию событий, сумели обойтись даже без упоминания о неопознанном объекте, ограничившись обтекаемым: «подробности кризиса пока неизвестны»...

Дверь открыла свекровь. Выглядела она очень усталой, а её голова была повязана шарфом из-за мигрени: Сергей Палыч ещё не уехал. Шуша успела прошмыгнуть в комнату, пока он не прицепился к ней, как к новой слушательнице его героических походов в министерстве. Сокровище спал, раскинувшись на кровати. Шуша посмотрела на часы и, покачав головой, принялась его тормозить: до выхода на дежурство ему оставался всего час, он рисковал опоздать. Сокровище пробормотал что-то неразборчивое насчёт раствора силъмариллина внутримышечно, потом всё-таки открыл глаза.

– Что, уже всё? – спросил он.

– В смысле? – не поняла Шуша.

Он сел на кровати, часто моргая, потом привлек к себе Шушу и поцеловал. Она прильнула к нему, ощущая любимый запах.

– Всё в порядке? Расправились с кризисом?

– Ммм... Нет, – ответила Шуша. – Наоборот совсем. Завтра поедем туда, я вещи пришла собрать...

Сокровище вздохнул.

– Значит, совсем кранты. Не припомню что-то командировок у тебя раньше.

Шуша промолчала.

– Кстати, туда – это куда? – осведомился сокровище. – Только сразу: если пока секрет, не говори. Я так, на всякий случай. Вдруг нас тоже мобилизуют...

– Под Вологду. А про мобилизацию забудь: эмчезников на место нагонят – жуть.

– Ну, нагнать-то нагонят... А потом всех раненых к нам, в Москву... На местах-то ресурсов для тяжёлых нету...

– Да там, вроде, всех эвакуируют уже сейчас... Слушай, а что среди народа-то говорят?

– Да так... – сокровище, задумавшись, начал легонько укачивать её, обняв. – Кризис и есть кризис. Сначала болтали про ураганы какие-то прямо в Москве, потом кто-то про извержение вулкана говорил... Ну, а теперь совсем уж бред: раскопали где-то, что якобы на каких-то никому не известных сайтах были сообщения о каком-то объекте в космосе, а теперь эти сайты закрыты все...

– Это не бред... – помолчав, вздохнула Шуша. Сокровище пристально посмотрел ей в глаза.

– Да... Дела... – протянул он и обнял покрепче. – Ты это... Осторожнее там... Впрочем, ты и так всё знаешь.

Шуша ощущала такой уют в кольце его рук, и ей так хотелось продлить это чувство подольше... Но время шло неумолимо, и она стала потихоньку выпрастываться из объятий сокровища.

– Ну подожди! – попросил он, целуя ее. – Давай немного, а? Шуша испытующе посмотрела на него.

– Не опоздаешь?

– Да ладно...

Она улыбнулась и разнеженно потянулась в его объятиях.

Сергей Палыч оставался Сергей Палычем: Шуше пришлось собираться под его занудную бубнежку. Когда она раз в десятый услышала, что сам замминистра пообещал ему разобраться в деле, захотелось убежать прямо сейчас, а оставшиеся вещи купить по дороге. Светлана Семёновна, помогавшая ей упаковаться, заметила выражение её лица и, выйдя из комнаты, позвала Сергей Палыча за собой якобы помочь в чём-то. Из-за прикрытой двери Шуша слышала яростный шёпот свекрови, внушавшей двоюродному брату правила общения с «уставшим человеком, у которого такая важная работа».

– Прости его, ладно? – сказала Светлана Семёновна, вернувшись в комнату. – Дурак и есть дурак. Сидит в своём лесу сорок лет, поговорить не с кем...

– Да ничего, – ответила успокоившаяся уже Шуша, доставая с верхней полки шкафа дутовый пуховик, в котором обычно гуляла зимой. – Я сама виновата. Надо было просто попросить сразу помолчать, а не копить злость...

– Он бы обиделся... Чёрт, и ведь уедет же только на следующей неделе, ему в понедельник встречу назначили... – она вырвала пуховик у неё из рук и с яростью поправила шарф на голове. – Слушай, зачем ты берёшь столько вещей?

Шуша посмотрела на уже тщательно свёрнутые свекровью демисезонную куртку, джинсы и кожаные штаны, несколько разноцветных футболок, свитера и бельё.

– Ну, мало ли... Вдруг похолодает или наоборот потепление будет...

– Не глупи. Поверь моему опыту, – вам всем там камуфляж выдадут. Если там армейские, – они не потерпят, чтобы вы в гражданском щеголяли. А если всё затянется, вам разрешат вещи передать. Не тащи лишнего. Куртку возьми только эту, демисезонную, если что, – поверх будешь военное надевать. Ну и свитера эти, чёрный и серый...

– Поняла, поняла... – сказала Шуша и начала отбирать действительно самое необходимое.

Свекровь между тем вышла на кухню и вернулась с упаковкой «Сказок Галадриэли» – лёгкого снотворного и подкрепляющего нервную систему. В открытую дверь Шуша услышала, как Сергей Палыч что-то бурчит там сам с собой.

– Возьми обязательно. Ты выглядишь, как будто из тебя все соки вытянули. Видно, что нормально явно не спала давно уже.

– Да у меня есть на работе... – только сейчас Шуша вспомнила, что ещё утром воскресенья взяла с собой блистер этого лекарства, но так ни разу не выпила ни таблетки: замоталась, забыла.

– Всё равно возьми, кто его знает, сколько вам там придётся быть... Ах да, сейчас ещё ацелас принесу...

Свекровь снова вышла, а Шуша принялась запихивать вещи в сумку. Светлана Семёновна правильно посоветовала ей сократить количество одежды: всё еле-еле уместилось.

– На, – протянула ей Светлана Семёновна коробочку пилюль с сушёным ацеласом и оглядела собранную сумку. – Ну, присядем на дорожку? Только на кухне, ладно? Он нудеть уже не будет.

Они вышли на кухню. До выхода оставалось ещё минимум полчаса. Шуша уже поужинала, но решила на всякий случай подзакусить ещё, тем более, что Светлана Семёновна по случаю приезда Сергей Палыча пекла пирожки каждый день.

– Скажи, а всё-таки, как думаешь, на сколько вы туда? – спросила она.

Шуша с набитым ртом покачала головой и пожала плечами.

– Понятия не имею, – призналась она, проглотив кусок пирога и потянувшись вилкой за квашеной капустой. – Проблема в том, что мы действительно не можем сказать ничего внятного обо всём этом. Чувствуем только очень большую угрозу и... очень большую угрозу, в общем.

Сергей Палыч попытался что-то возмущённо высказать, похоже, о качестве работы геомантов, но под ледяным взглядом Светланы Семёновны поперхнулся и умолк.

– Конечно, если человек так устал, если на износ работает, – что он почувствовать может? – возмущённо сказала она, продолжая сурово смотреть на брата.

– Да дело не в этом... – стремясь к справедливости, ответила Шуша. – Мы, наоборот, сейчас от усталости острее всё чувствуем. Знаете, вроде как глаза болят от света даже пасмурным днём, если плохо выспался. Просто это... Чужое оно... И с процессами на Земле никак не связано...

Они с сокровищем решили пока не говорить Светлане Семёновне ничего про объект, тем более в присутствии Сергей Палыча. Незачем их беспокоить. Скоро сами всё узнают из телеобращения. И узнают только то, что решат озвучить в этой речи Отдел по ЧС, руководства бюро и сама генсек.

– Ладно, ешь спокойно, – сказала Светлана Семёновна. – Я тебе с собой пирожков дам.

Глава 7

Возвращаться в бюро, несмотря на то, что после «локального смерча» журналисты не рискнули собраться во дворе, всё-таки снова пришлось через четвёртый корпус, который выходил на соседнюю улицу: перед статуей Ганди техники телевизионщиков, преимущественно огромные мощные горноориенталы, демонтировали оборудование. Несмотря на силу ветра, повреждено ничего не было, аэропроектники и впрямь сработали на «пять».

Зал заседаний бюро постепенно наполнялся. По большому демонстрационному телевизору шёл итоговый двадцатитрёхчасовой выпуск новостей, после которого должно было транслироваться обращение генсека. Шуша, усевшись в кресле, лениво прислушивалась сквозь шум разговоров к репортажам. Журналисты обмусоливали тему кризиса так и сяк и обсуждали анонсированную речь, которую сами ещё не слышали. Что интересно – о «локальном смерче» не было сказано ни слова. Может, вмешалось высшее руководство, а может, они сами не хотели выставлять себя идиотами.

Гришник Углукович, сидя за столом президиума, рассматривал собирающихся сотрудников с каким-то странным выражением лица: то ли недоуменным, то ли растерянным. Заметив это, многие начали прерывать разговоры. Зал постепенно затихал, некоторые озадаченно смотрели на директора в ответ. Наконец, раздался цокот подков, и в двери вошёл начальник отдела особо охраняемых природных территорий, представитель разумных непарнокопытных Несс. Судя по всему, взбучка директора по поводу сна во время собрания пошла ему впрок: испуганный неожиданной тишиной в зале, он замер, осмотрелся, и только тогда, поняв, что всё-таки не опоздал, облегчённо вздохнул и прошёл дальше, стараясь опираться на самые кончики копыт, чтобы не стучать по полу.

– Ну, все собрались? – спросил наконец Гришник Углукович после того, как в зал проскользнули две техноориенталки и исконная земледелица Календула из отдела экоконтроля.

После недолгого молчания, во время которого собравшиеся оглядывали зал в поисках сотрудников, начальников, подчинённых и знакомых, нестройный хор голосов возвестил, что почти все.

– Ну ладно, – сказал директор. – Остальные присоединятся по ходу. А теперь скажите мне, я директор чего?

Вопрос был неожиданным. Все замялись, переглядываясь.

– Эээ... Восточно-Европейского регионального бюро по предотвращению стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций! – крикнул Несс.

– Да, да! Бюро! – подтвердили некоторые с мест.

– Правда? – переспросил Гришник Углукович. – А вот мне сейчас показалось, что это обанкротившийся странствующий цирк!

Народ озадаченно молчал.

– Приедем на место – всех в камуфляж переодену! – рявкнул директор, вставая. – Я сказал: практичная удобная одежда! А вы во что вырядились?!

Шуша оглянулась и прыснула, вслед за ней раздались отдельные смешки, затем кто-то громко заржал, наверное, опять Несс. Элегантные серебристые и золотистые походные куртки и плащи остроухих соседствовали в зале с овчинными полушубками исконных земледельцев, украшенными вышитыми изображениями солнца, цветов и плодов; облегающие сексуальные брючки и курточки нескольких феминистов радовали глаз всеми оттенками цвета от глухо-жёлтого до чёрно-зелёного; несколько гемофагов из отдела аэропроектов пришли в длинных чёрных кожаных плащах с перчатками и шляпах, и теперь напоминали шпионов из древних фильмов; над воротами толстых ватников маскулинофиллов в ушанках торчали огромные спутанные бороды; Хард сотоварищи красовался в

лёгких кольчугах поверх дублёнок... Обычные тёплые куртки надели лишь техноориенталы. И только сам Гришнак Углукович и ещё пара сотрудников – нативных кочевников, пришли в камуфляже.

С причёсками творилось ещё большее безобразие. Строгий офисный стиль был забыт. Толстые косы и курчавые короткие вихры исконных земледельцев терялись на фоне десятков мелких косичек феминодендрофилов, каждую из которых скрепляла резиночка своего оттенка, а остроухие нацепили на хвосты заколки одна другой вычурнее и богаче.

Гришнак Углукович подошёл к Юлечке, сидящей в первом ряду.

– Это... гм... что? – спросил он, разглядывая её струящееся чёрное одеяние с множественным разрезом.

Но Юлечке, как уже поняла Шуша, палец в рот не клади.

– Это удобная практичная одежда! – она повела рукой в воздухе, рукав платья развеялся. – В ней легко трансформироваться и летать!

– Да... Гм... – Гришнак Углукович понял, что рискует проиграть, поэтому обратил своё внимание на грудастую акваориенталку, сидевшую рядом.

– А в этой одежде, наверное, удобно... гм... плавать... И соблазнять? – высказал предположение он.

– И соблазнять! – легко согласилась она. – Кроме того, она ещё очень практична в смысле лежания и сидения на камнях!

Сирена, отвернув край декольте (Гришнак Углукович скосил глаза в сторону), продемонстрировала, что ткань её зелёного облегающего платья изнутри покрыта толстым тёплым ворсом, явно обладающим водоотталкивающими свойствами.

– Не застудишься! – с гордостью пояснила она.

– А я!.. А у меня!.. У нас! Кольчужки лёгкие, но прочные, не только в бою защитят, ещё и диэлектрическим качеством похвалятся! С техникой удобно возиться! И перчатки у нас такие же есть! Даже с кевларом! – прокричал со своего места Хард Матплата, размахивая в воздухе парой тонких кольчужных перчаток.

Весь отдел компьютерного обеспечения важно покивал бородами.

– Понял, – произнес без особого энтузиазма Гришнак Углукович. – Удобная практичная одежда, ну что ж...

Он оглянулся на экран телевизора, затем на часы и пошёл обратно к столу президиума.

– Но на месте все равно в камуфляже, как миленькие, будете расхаживать! – рявкнул он, садясь. – Ладно. У нас есть пара минут ещё. Объявляю распорядок. Сейчас слушаем речь, сразу после – никаких прений, расходимся – и спать. Побудка – в восемь ровно. После завтрака часть персонала отправляется на аэродром. Точные распоряжения получите утром же. В бюро остаются только начальники и ведущие специалисты отделов аналитики, аквамантии, экоконтроля и пиромантии. Но – временно. Мы будем наблюдать за развитием ситуации отсюда, вылетим сразу после... надеюсь, всё-таки приземления... а не упадания... объекта. Такое распределение необходимо для лучшей координации работ. Все всё поняли?

Сотрудники покивали.

– Тогда... Мы начинаем КВН! – мрачно произнёс Гришнак Углукович и, повернувшись к телевизору увеличил громкость.

На экране промелькнули кадры прогноза погоды. Шуша заметила, что на этот раз синоптики не ограничились общими словами «Волго-Вятский регион», а упомянули Вологодскую область отдельно: там ожидалось минус четыре – минус два ниже нуля, местами лёгкий снег. Затем пошла короткая рекламная заставка, и вновь появилась диктор, красивая техноориенталка, крашенная в рыжую:

– Дорогие друзья, я напоминаю вам, что в нашей программе произошли изменения. Шестую серию художественного фильма «Матрица» вы увидите позже, а сейчас перед вами

в прямом эфире из студии в Нью-Йорке выступит с официальным обращением генеральный секретарь Организации Объединенных Рас Вильриэль Нарквеллиэн.

Заставка с эмблемой ООР провисела на экране довольно долго, видимо, телевизионщики в Нью-Йорке столкнулись с какими-то трудностями. Наконец в кадре появилась студия, оформленная в строгом официальном стиле: огромный стол из красного дерева, герб и флаг ООР. За столом уже сидела генсек. Перед тем, как читать речь, она надела элегантные очки в тонкой оправе.

– Граждане! Братья и сестры! Земляне! – Вильриэль сделала эффектную паузу, и натренированные переводчики сумели мастерски выдержать её. – Да, сегодня, пожалуй, впервые за всю историю существования ООР генеральный секретарь обращается к вам, вкладывая в слова «братья и сестры, земляне» особый смысл. Я горжусь тем, что эта честь выпала именно мне. Горжусь – но одновременно испытываю огромное беспокойство за нашу общую судьбу, за судьбу нашего мира. Дело в том, что мы вместе, Земля в целом, оказались перед лицом серьезнейших перемен, которые принесёт нам завтрашний день. И вне зависимости от того, озарится он для нас светом радости или будет омрачен чёрным горем, день этот навсегда войдёт в историю, как одна из самых значимых вех в развитии нашей цивилизации.

Генсек прекрасно умела держать внимание публики. Она сняла очки, оператор дал крупный план её лица, чтобы проникновенное выражение глаз заставило зрителей следить, не отрываясь, за каждым её словом. Немногие знали, что очки, такой привычный атрибут каждого выступления генсека, были ей вовсе не нужны: они были гениальной находкой её самой в плане собственного стиля и имиджа, поскольку одновременно и слегка принижали подлинную красоту остроухих и позволяли манипулировать вниманием зрителей.

– Многие десятилетия, если не столетия, лучшие умы всех рас бились над загадкой – существуют ли другие разумные расы во Вселенной? И вот сегодня мы можем с уверенностью дать ответ на этот вопрос. И ответ этот – да! У нас есть братья по разуму! Уже несколько дней подряд геоманты всех региональных бюро по предотвращению стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций вели огромную кропотливую работу, выясняя, когда и где именно состоится первый контакт.

Шуша хмыкнула. Генсек виртуозно обходила все подводные камни, не сообщая ни слова об истинном положении дел.

– И теперь я могу сообщить вам, что это эпохальное событие, которое навсегда изменит наше отношение к миру, произойдёт в Тотемском районе Вологодской области завтра днём по местному времени.

Генсек, сделав паузу, вздохнула и вновь надела очки. Оператор дал общий план студии.

– Братья и сестры! Земляне! Мы не можем утверждать с достаточной долей вероятности, каковы они – наши братья по разуму. Может быть, они похожи на кого-то из нас, а может, вызовут ужас своим внешним видом или привычками. Напомню вам, что мы строим наше общество, исходя из основополагающего принципа политкорректности: все разумные изначально равны и имеют право на самовыражение, разумеется, в рамках закона. Мир без границ, уважение к свободе личности – об этом столетиями мечтали лучшие умы планеты. И мы сумели воплотить их мечты! Поэтому я обращаюсь к вам, дорогие друзья, с призывом: давайте встретим завтрашний день мужественно и с открытым сердцем! Давайте примем наших братьев по разуму в нашу общую семью!

Остроухая встала и, положив руку на устав ООР, лежащий на столе, закончила речь:

– Данной мне властью я, генеральный секретарь Организации Объединенных Рас Вильриэль Нарквеллиэн, исходя из жёсткой необходимости предотвращения вероятной опасности при посадке космического корабля, объявляю Тотемский район Вологодской области зоной чрезвычайного положения с нуля часов по московскому времени и с одного часа ночи – по местному. Обязанности по обеспечению эвакуации населения и проведения

остальных мероприятий, связанных с введением чрезвычайного положения, возлагаю на Восточно-Европейское региональное бюро по предотвращению стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций и Министерство по чрезвычайным ситуациям Центральной России.

Генсек села и вновь сняла очки, чтобы вперить уверенный и искренний взор в телекамеру.

– Дорогие земляне! Я уверена в вас, и поэтому знаю: мы с честью выдержим то испытание, которое несёт нам завтрашний день! Спасибо вам за взаимную уверенность в этом! Всего самого лучшего вам в жизни, и завтра – в особенности! До скорых встреч!

Гришник Углукович выключил телевизор, как только на экране появилась заставка. Сотрудники, позёывая и лениво обсуждая ораторское мастерство генсека, потянулись к выходу. В комнатах отдыха их уже ждали диваны и составленные в длину кресла.

Глава 8

Когда-то, в самом начале работы в бюро, Шуша любила дежурить в выходные. Пустые коридоры и тишина в комнатах приводили её в романтическое настроение, и она могла позволить себе помечтать: всё равно дежурства были практически формальностью, безопасность в выходные обеспечивала бесперебойная работа бюро в будни. Потом романтика первых дней исчезла, сменившись рутинной, и Шуша стала относиться к необходимости время от времени сидеть в бюро по субботам и воскресеньям как к неизбежному злу.

Сегодня коридоры и комнаты бюро вновь были почти пусты, но это вызывало ощущение одиночества. Небольшой офис, который совместно занимали геоманты и аналитики, теперь казался огромным. Шуша немного позавидовала ведущим специалистам других отделов, оставленным в Москве: они хотя бы могли поболтать с начальниками, а она с остроумным аналитиком подчинялась напрямую директору... Всё-таки даже с Анжеликой, не говоря о Ярике, сидеть было бы веселее.

Гарасфальт с утра мрачно вздыхал за соседним столом и, когда Шуша пошла курить в третий раз, даже отправился в курилку вслед за ней: он, как и большинство остроумных, с трудом переносил табачный дым, но оставаться в отделе одному было выше его сил. Шуша была тоже рада подышать не в одиночестве, пусть даже Гарасфальт и стоял в диаметрально противоположном конце комнаты, а ей пришлось открыть окно.

– Скоро начнётся? Не чувствуешь? – громко спросил он. Шуша пожала плечами.

– Даже не прислушивалась. Ты же сам знаешь, надоело мне это хуже горькой редьки.

Пусть уж так, когда начнётся – узнаем.

За ночь объект вышел на орбиту, но она была слишком высокой, чтобы геоманты могли почувствовать его. Несколько раз облетев Землю, корабль синхронизировал скорость своего вращения с ней и завис точно над Тотемским районом. Геосинхронные орбиты земных спутников лежали ниже, и, с точки зрения учёных, по энергетическим затратам высота объекта была невыгодной. Но с помощью телескопов и исследовательских спутников он был достаточно изучен за эту ночь, и астрономы сделали вывод, что его двигатели работают на делящихся материалах, создавая тягу за счёт потока частиц с заумным названием: до сих пор их существование для земных физиков было сугубо теоретическим, и теперь на тематических сайтах и форумах шли тяжёлые бои. Остальной народ, в том числе и Шуша, мог только предполагать, какие битвы сотрясали стены кабинетов и исследовательских комплексов.

Ночью также впервые было зафиксировано интенсивное электромагнитное излучение от объекта, – похоже, он прошупывал планету радаром. Но никаких внятных сигналов, свидетельствовавших о попытке контакта, до сих пор так и не было получено.

Шуша видела в сети несколько фотографий с приличным разрешением, полученных со спутников. Поэтому, несмотря на отсутствие сигналов, уже не сомневалась, что объект – дело рук разумных. Впрочем, она точно так же не сомневалась и в том, что все надежды на лучшее, которые озвучила в своей вчерашней речи генсек ООР, не сбудутся: даже на фотографиях от огромного обтекаемого металлического тела с рядами иллюминаторов исходила ощутимая угроза. Это подсказывали не только её таланты геоманта, но и обычная логика: корабль, предназначенный для мирных исследовательских целей, для контакта, вряд ли должен выглядеть так. Над созданием этой техники наверняка потрудились военные...

Она вздрогнула, но не от страха или ощутив какое-то изменение в мире: этажом ниже грохнуло уроненное уборщицей ведро. В пустом здании звук прозвучал неожиданно резко. Гарасфальт тоже дёрнулся. Шуша выбросила докуренную сигарету в непривычно пустую пепельницу.

– Пойдём? – предложил остроухий. – Может, завернём к пиромантам или в аквамантию? А то, что тупо в монитор пялиться?

– Хм... Лучше уж тогда в экоконтроль, с Календулой потрепаться – милое дело.

– Лучше позовём её с собой. Не хочу с этим занудой сидеть.

– Ты про Рональда? Гарасфальт кивнул:

– Не переносу его. Педант и зануда. И мне кажется, скотина он порядочная, и мы ещё это узнаем.

– Он её не отпустит... – вздохнула Шуша. – Ладно, я лучше пойду, вздремнуть попробую.

Она так и не выспалась нормально: вчера они, конечно, легли спать вместе с Юлечкой и, несмотря на строгий приказ директора, шептались почти до трёх ночи. Сначала строили предположения об объекте, потом просто рассказывали забавные случаи из жизни. Утром Юлечка уныло поковырялась в столовской перловке с мясом и уехала вместе со всеми на аэродром, надеясь, что выспится в самолёте. А Шуша теперь зевала за компьютером, ругая свой организм, который даже при сильной усталости не желал заснуть в неурочное время.

Гарасфальт направился в отдел аквамантии. По Шушиным предположениям, он просто собирался наладить контакт с ведущим специалистом отдела – сиреной с особенно непроницаемым именем. В отличие от многих представителей этого меньшинства, акваориенталка с юмором относилась к тому, что остальные коверкают его, и спокойно откликнулась на уменьшительное Назя. Это наверняка очень облегчало ей жизнь в самые интимные моменты. Лоринн, летящей сейчас в Вологду, позавидовать было трудно, а уж драгоценному сальма-риллу Гарасфальта вовсе можно было только посочувствовать.

Уже лёжа на диване, под небрежно наброшенным расстёгнутым спальником, она подумала о том, какая колоссальная работа предстоит отделу экоконтроля и аэропроектникам. Учёные выдвигали предположение, что на Землю всё-таки спустится не сам корабль с его двигателями на делящихся материалах, а некий посадочный модуль, – по их мнению, это было наиболее рациональным решением для такой развитой расы, как братья по разуму, но Шуша почему-то не надеялась на это. Минимизировать же неизбежное загрязнение атмосферы и почвы радиацией будет крайне трудно.

Шестьдесят с лишним лет прошло с тех пор, как после Последней Войны, которая привела к созданию оружия на делящихся материалах, все разработки в этой области на Земле были запрещены. У физиков осталось только несколько экспериментальных реакторов, для создания новых необходимо было добиваться разрешения на уровне ООР и пройти огромное количество согласований, каждый раз подтверждая научную необходимость строительства. После первого же испытания оружия в одной из пустынь Северной Америки, проведённого союзниками в конце войны, стало ясно, перед чем стоит мир. Нативные кочевники, одурманенные сказками своих лидеров про «высшую расу» и «жизненное пространство» и развязавшие эту бойню, отступили сразу же, как только под угрозой оказались два их города. Отступили – и сами выдали предводителей, которых впоследствии судили как военных преступников. Оружие на делящихся материалах сыграло свою роль – и ушло навсегда.

Теперь же огромная территория планеты снова оказалась перед угрозой радиоактивного заражения.

Раздумывая об этом, Шуша так и не успела заснуть. Телепатический вызов застал её врасплох. «Началось!» – только и сообщила Лиля.

– Несколько минут назад корабль запустил на орбиту аппараты неизвестного назначения и начал снижаться, – встретил сотрудников Гришник Углукович. – За ними следят астрономы. Мы пока получаем телесигнал с наших исследовательских спутников через

Зеленчукскую обсерваторию и ЦУП. Когда объект войдёт в атмосферу, переключимся на магические кристаллы в Тотьме и окрестностях.

Шуша знала, что директор приказал частям МЧС установить множество кристаллов в Тотемском районе, чтобы следить за снижением корабля. Ещё несколько взяли с собой аэропроектники, чтобы использовать их при патрулировании территории с воздуха. Сейчас сотрудники бюро уже должны были разместиться на месте и приступить к работе, но пока что огромный магический кристалл на стене директорского кабинета, обычно использовавшийся для конференций и совещаний с остальными бюро и вышестоящими организациями, переливался бессмысленными голубоватыми разводами. Зато большой телеэкран уже работал: в четырёх частях его, каждая из которых показывала ракурсы с разных спутников, можно было полюбоваться видом чёрного неба, испещрённого мириадами звёзд, на фоне которого довольно быстро двигалось небольшое вытянутое пятнышко.

– Учёные решили не переводить спутники на более близкие к траектории корабля орбиты. Мы не знаем, как он отреагирует на это, – пояснил Гриштак Углукович, глянув на часы. – По их расчётам, через несколько минут он войдёт в атмосферу.

В выжидательной тишине, наступившей вслед за этими словами, Шуша огляделась. Все еле сдерживали себя, стараясь казаться гораздо более спокойными, чем были в действительности. Гарасфальт нервно потирал изящными пальцами тонкую переносицу, Рональд Дональдович часто постукивал карандашом по столу, Назя, почти не глядя в свой блокнот, выводила на его листе бессмысленные загогулины ручкой. Шуша опять пожалела, что директор приказал остальным геомантам уехать в Тотьму: она подумала, что среди своих ей было бы немного легче.

Внезапно боль прострелила её тело насквозь. Она инстинктивно напряглась и чуть пошевелилась на стуле. Боль не ушла, а даже усилилась, у Шуши слегка перехватило дыхание. Она осторожно оглянулась – не замечает ли кто?

– Зеленчукская вызывает бюро! – раздалось из селектора.

– Да! – выпалил Гриштак Углукович.

– Проходит линию Кармана! Сто километров до поверхности! Ускоряется!

– Видим! – подтвердил директор.

Изображение на телеэкране дёрнулось, затем исчезло, уступив место новому. Астрономы переключили канал на другие спутники, теперь полэкрана занимала голубая выпуклость Земли, и к ней стремительно приближалось сверкающее пятнышко.

Боль усиливалась, постепенно словно бы сползаясь к позвоночнику. Шуша вцепилась руками в сиденье стула, выпрямившись до предела и боясь шелохнуться. Скопив глаза, она могла видеть Гарасфальта, который, чуть повернувшись к ней, озадаченно нахмурил брови: видимо, заметил её состояние. Она крепче сцепила зубы.

– ЦУП вызывает бюро!

– Слу... гхм! Слушаем! – голос Гриштак Углуковича нервно пресёкся.

– Скорость – около трёх мегаметров в минуту! Нижняя граница геосинхронных орбит!

На пути – два спутника погодного мониторинга, маневрируем, выводим!

– Раньше не догадались?!

– Они не наши! Один японских синоптиков, другой...

– Потом! – рявкнул директор.

– Есть потом! Объект снижает скорость, два с половиной мегаметра!

У Шуши начало мутнеть в глазах. Она закусила губу. Капли пота заливали глаза. Да что же это, наконец?! По позвоночнику словно стекал раскалённый металл, боль рвала когтями все внутренности. Она еле сдерживалась, чтобы не застонать, уставившись в радужные переливы магического кристалла на стене.

Внезапно тот озарился, по нему пробежали полосы помех, и появилось изображение: по самому нижнему краю – верхушки деревьев, а выше – панорама голубого неба с лёгкими разводами перистых облаков.

– Тотьма вызывает бюро! – прозвучал в селекторе знакомый голос начальника отдела аэропроектов. – Ожидаем объект.

Шуша покачнулась на кресле и схватилась рукой за край стола. Пульс гремел в ушах, сердце словно хотело выскочить из груди. Кабинет директора качался перед глазами в чёрно-красных разводах, казалось, она просто уже не в силах вздохнуть. Она поняла, что сейчас потеряет сознание.

– Что с тобой? – сквозь гул в голове и туман боли она еле узнала приглушённый голос Гарасфальта.

– Зеленчукская вызывает бюро! Мезосфера, входит вертикально, скорость – полтора мегаметра в минуту, торможение продолжается! – слова незнакомого астронома казались вспышками огня, сжигавшего её изнутри. Смысл их она уже не понимала.

– Я... Мне... Плохо... Я выйду... – ей казалось, что она говорит громко, но что-то внутри подсказывало, что это – еле слышимый шёпот. – Больно...

Она попыталась встать, в каком-то последнем прояснении сознания увидела в магическом кристалле крошечную яркую точку в небе над Тотьмой, и огненный вал боли окончательно захлестнул её. Кажется, она кричала, катаясь по полу, затем её стошнило...

И темнота поглотила её...

Белый потолок, кафельные стены и... виноватое и растерянное лицо Гришнака Углуковича над ней.

– В какой я больнице? – спросила Шуша. Гришник Углукович чуть улыбнулся.

– Я думал, ты спросишь «где я?». Не волнуйся, не в Склифе, сокровище твой не знает пока, – сказал он, поняв, что Шуша не хотела бы, чтобы муж волновался, если она попадёт пациенткой к нему. – Прости меня, идиота. Мне надо было самому догадаться.

– О чём, Гришник Углукович? – Шуша попыталась привстать, приборы за спиной протестующе взвизгнули.

Только сейчас она заметила, что к её груди и запястьям прикреплено множество проводов.

– Лежать, больная! – на пороге тотчас появилась медсестра. – Как вы себя чувствуете?

Она принялась списывать показания приборов, а Гришник Углукович деликатно отошёл в сторону. Шуша прислушалась к себе. Тело словно побывало в камнедробилке, каждая мышца и каждая косточка ныли. Но хуже всего было ощущение занозы где-то под сердцем. И ей не надо было сосредотачиваться, чтобы понять, в чём причина этого.

– Они приземлились? – спросила она, как только медсестра вышла.

– Да, – тяжело вздохнул Гришник Углукович. – Тебя спасла потеря сознания, иначе ты могла бы умереть от болевого шока...

Он сокрушённо покачал головой.

– Вы же этого не знали, – произнесла она.

– Должен был догадаться, должен. Вы же все, геоманты, ощущали их как что-то чужеродное, иное. И весь этот их полёт для вас был – как вторжение инородного тела в организм. Как будто вас ранили...

– Даже мы сами не могли догадаться до этого... – вздохнула Шуша. – Ведь ничего подобного раньше не было. Да и что бы вы сделали? Накачали бы обезболивающими? Это же чистая психосоматика, в таком случае даже тяжёлые наркотики – мёртвому припарка...

Она вздохнула и помолчала, на этот раз – всё-таки прислушиваясь к миру.

– Ах вон оно что... Значит, выжгли защитную полосу вокруг своего корабля...

– Да, сразу же после посадки. Почти на полтора километра. Никто не пострадал, конечно, напрямую... Но... – директор сомкнул губы, словно чуть было не сказал что-то важное.

– Ладно уж, Гришнав Углукович. Говорите, – она слегка махнула рукой, стараясь, чтобы провода не отсоединились от запястья.

– У нас всё неплохо! – преувеличенно радостно заверил её директор. – Из Тотьмы передали – у Ярика только обморок сильный, а Анжелика... – он чуть поморщился. – Уволю я её, наверное. С таким уровнем чувствительности ей разве что алкоголиков лечить перестановкой мебели в квартире. Представляешь, у неё лишь голова закружилась! И зачем таких на стажировки в бюро назначают, ты мне скажи?

Шуше стало ясно, что он пытается заговорить ей зубы.

– Гришнав Углукович...

– Понял, понял... Ну, понимаешь... В общем... У Насти было, оказывается, сердце слабое. Никто и не знал, представляешь?.. Сын остался вот... Ну и Бенаши из Восточно-Африканского... Не выдержал... Психиатры говорят, правда, что надежда есть, и шансы велики... Но только если корабль улетит. Он же теперь не контролирует свои ощущения, в этом-то состоянии...

Шушино сердце сжалось: ей было жалко Настю и Бенаши, которых она никогда не видела в реальности (и Настю теперь уже не увидит), и впервые стало страшно за себя. Она только сейчас поняла, какой опасности подвергалась... Час назад? Два?

– А сколько сейчас времени? – спросила она директора.

– Почти шесть вечера, – сказал директор. – Ты долго без сознания была, очнулась, когда огонь на защитной полосе погас полностью.

– Какие они? – спросила Шуша, возвращаясь к главному. Директор пожал плечами.

– Никто не видел. Они только машины выпустили, которые из огнёмётов и... – директор горестно махнул рукой. – Машины и прожектора установили... Всю защитную полосу и сам корабль освещают. Хотелось бы надеяться, что боятся...

Она задумалась. Тотьма, точнее, сам корабль, стоящий сейчас посреди выжженной пустыни диаметром три километра, ощутимо звали её.

– Гришнав Углукович, когда мы полетим?

– Я – вечером, видимо, а твоё дело маленькое сейчас: лежать и приходить в себя. Болевой шок – это серьёзно, минимум три дня тебе обеспечено!

– Нет, Гришнав Углукович! – Шуша категорично покачала головой. – Зовите врачей, пусть дадут мне лекарств, я полечу с вами!

– Ни в коем случае! – заявил Гришнав Углукович. – Ты останешься здесь! Там Ярик, он уже в порядке, на месте он лучше почувствует всё! Справимся! Ты там не нужна, мы пока выжидаем действий с их стороны!

Шуша села рывком, всё сильнее ощущая тяжесть под сердцем. На этот раз приборы не отреагировали – вероятно, она и впрямь приходила в себя.

– Да?! А вы представляете, каково мне здесь?! Ну Гришнав Углукович, ну миленький, ну поймите же! Он меня зовёт, понимаете? Вот как заноза в ладони – теребите её, теребите, никак не вытащите! И не успокойтесь, пока не расковыряете к чёрту!

Гришнав Углукович хитро хмыкнул, разглядывая свои ладони с характерной для нативных кочевников шершавой жёсткой кожей, которую не каждый нож мог прорезать.

– Правда? Никогда не сталкивался с такими проблемами!

– Блин! Ну Гришнав Углукович, ну как если вам между зубов волоконце мяса попало! Только гораздо, гораздо хуже! Ну поймите же!

Директор молча улыбнулся во все тридцать четыре белоснежных имплантанта: нативные кочевники давно поняли преимущества, которые дает техноориенталовская стоматология, и при первой возможности заменяли свои слишком больные зубы на протезы.

– Ну Гришнак Углукович... – беспомощно протянула Шуша.

Она была готова расплакаться, потому что действительно ощущала мощный зов покалеченной чужим кораблём части мира. Ей надо, надо, во что бы то ни стало надо было туда! Именно там лежал ключ к тому, как исправить ситуацию. Она чувствовала, что сейчас заплачется.

– Гришнак Углукович... Я же здесь только изведусь! – выдала она последний аргумент. – Это же не лечение будет, я только и буду, что прислушиваться к миру! И все ваши действия там буду прощупывать!

Директор задумчиво поджал губы: похоже, понял, что она права. Несколько минут прошло в молчании.

– Хм... Ладно. Лежи пока, я с врачами поговорю. Он встал и направился к выходу из бокса.

– Нетушки, Гришнак Углукович, вот свой дипломат здесь оставьте! – заявила бдительная Шуша, понимая, что он попросту может сбежать, испугавшись ответственности.

Директор укоризненно покачал головой.

– Ладно-ладно. Вот, видишь, его прямо рядом с койкой ставлю? – примирительно сказал он.

Нос распух, щёки неприятно саднило: Шуша точила слёзки в жёсткую больничную подушку. Врачи, конечно, непустили её с Гришнаком Углуковичем.

Самым обидным было то, что директор сам же и подложил ей самую большую свинью: в пылу споров не нашел ничего лучше, чем позвонить сокровищу и посоветоваться с ним. Сокровище, у которого как раз кончилось дежурство, принесся из своего Склифа на всех парах и затребовал историю болезни у лечащего врача. Конечно, в обычной районной неврологии к нему отнеслись с пиететом: как же, и реаниматолог в крупнейшем институте скорой помощи в стране, и в качестве мужа прекрасно знает особенности организма геомантов. Разумеется, сокровище полностью одобрил предложение лечащего врача по поводу трёх дней реабилитации, и только после долгих и горьких Шушиных слёз и объяснений с самим Гришнаком Углуковичем согласился, что к ведущему геоманту подход должен быть особый, что Шуша и впрямь может серьёзно издёргаться в бездействии, и предложил в качестве компромисса на ночь дать ей сильных успокоительных, а утром проверить состояние больной и действительно выписать при отсутствии признаков ухудшения.

– Или ты хочешь, чтобы я твоим родителям позвонил? – строго спросил сокровище.

Шуша представила, что может последовать, если мама или папа, работавшие сейчас по контракту в Австралии, узнают, что с ней случилось, и, помотав головой, героическим усилием воли постаралась раскатать «сковородничек», в который сама собой скручивалась от обиды нижняя губа.

– Ну... Это же... То... Только психосомаааатика... – всхлипывая, выдавила она из себя и снова разревелась, но уже тише.

– Раз психосоматика, всё в твоих руках! – безжалостно сказал сокровище. – Значит, сейчас изо всех сил будешь стараться заснуть, а завтра Михаил Андреевич, лечащий твой, решит, можно ли тебя отпустить.

Шуша и старалась заснуть – уже, наверное, битых два часа. К счастью, большинство приборов, опутывавших ее проводами, отключили, оставили только тонкий, почти неощутимый на голове матерчатый обруч дистанционного энцефалографа да плоский блин кардиомонитора. Уже несколько раз дверь, из-под которой в палату просачивался лучик света,

открывалась, и заходила дежурная медсестра, сочувственно интересуясь, не нужно ли чего ей. Шуше было не нужно: седативными препаратами, конечно, уже не лёгкими эльфийскими, её накачали по самое не хочу, она и так находилась в лёгком бреде. Но даже сквозь его пелену продолжала тихонько всхлипывать от обиды на такое непонимание со стороны сокровища и Гришнака Углуковича.

А ещё она по-прежнему чувствовала тяжёлую занозу под сердцем. Где-то далеко, под Тотьмой, в одиннадцати километрах от города выше по течению Сухоны, давила на выжженную землю громада чужого космического корабля, который и поныне оставался для всех полной загадкой. Шуша пыталась уже, вспомнив школьные азы, настроиться на сознание кого-нибудь из знакомых сотрудников бюро, находившихся сейчас там, в лагере МЧС, чтобы они послали ей сколько-нибудь внятный мыслеобраз с места событий. Но – то ли концентрация не удавалась ей от усталости, то ли мешали заклинания, поддерживающие режим секретности, то ли, что вероятнее, сказывалось действие седативных препаратов. Только в один краткий миг ей показалось, что она сумела схватить чьё-то впечатление издалека: огромный подсвеченный прожекторами корпус, возвышающийся над лесом. Но насколько далеко находился неведомый наблюдатель, она понять не могла, и отсутствие масштаба событий не давало появиться ощущению сопричастности.

Бросив бесплодные попытки, она постепенно стала дышать ровнее, потом всхлипнула в последний раз и, наконец, свернулась клубочком: успокоительные всё-таки подействовали.

Глава 9

Вологда встретила лёгким морозцем, чистым небом, тонким слоем хрустящего снежка на газонах. И – почти абсолютно пустыми в разгар дня улицами. Шуша уже знала, что ночью корабль выпустил множество атмосферных зондов, разлетевшихся в разные стороны. Один из них, долетев до административной столицы области и снизившись, долго летал над улицами, сея панику среди населения. Ещё с утра очень многие предпочли покинуть город.

Таксист, который подвозил её из аэропорта, нативный кочевник, долго и с характерными для наименее образованной части этого меньшинства сложными речевыми оборотами рассказывал, как ночью позвонила тёща и рассказала про объект, как испугалась жена, как плакала маленькая дочка... И как потом они отсиживались до утра в погребке, и утром он отвёз семью в деревню к куму, а сам вернулся – надо было работать.

– Ить деньги-то, они, ить их тудыть, они всегда, иннах, нужны! – объяснял он Шуше. – Ить он, растудыть, полетал-полетал, гнно чумазое, и, в качель его, улетел! Ить же ёжкин кот! Можь, иннах, не вернётся?

Шуша пожала плечами.

– А выглядел-то он как?

– Да ить же кто ж иннах знает это гнно? Млестело, тудыть их, от фонарей ить их растудыть, чо-то, а чо – их ёжкин кот, и не видать, в качель!

Шуша расплатилась и вылезла из машины. Таксист подвёз её к гостинице «Центральная»: автобусы в саму Тотьму и район, разумеется, больше не ходили, Гриشناк Углукович утром обещал выслать за ней машину или вертолёт, а может, и кого-то из аэропроектников, но только ближе к вечеру. И то, и другое, и третье Шушу не очень устраивало: на машине ехать долго, три с лишним, а то и четыре часа, а все вертолёты и аэропроектники могли, как честно признался директор, до поздней ночи отлавливать несколько съёмочных групп, попытавшихся проникнуть в зону.

Она огляделась. На обширной площади перед гостиницей, которая, видимо, часто использовалась для массовых мероприятий, стояло несколько пустых такси: нативный кочевник, прощаясь, признался, что работы сегодня не густо, хотя кое-кому удалось за большие деньги подвезти группы журналистов до ближайших к Тотьме населённых пунктов, которые ещё не были эвакуированы. Перед фасадом красовался неизменный Махатма, а напротив, вдалеке, перед красивым, явно недавно отреставрированным зданием – Мартин Лютер Кинг. Шуша прислушалась: здание было городской филармонией. Место для памятника было выбрано странное, обычно Кинга устанавливали перед мэриями, но, в конце концов, это дело вологжан, где им в собственном городе кого увековечивать.

Она, придерживая сумку, толкнула тяжёлую дверь и подошла к ресепшену Администратор, совсем молоденькая, веснушчатая техноориенталка, читавшая детектив в мягкой обложке, отвлеклась от книги и приветливо улыбнулась ей.

– Можно на полсуток номер? – поздоровавшись, спросила Шуша.

– Пожалуйста! Вам какой? Люкс, полулюкс, улучшенный?

– В улучшенном душ есть?

Администратор состроила обиженную физиономию.

– У нас в улучшенных – ванная, а в полулюксах и люксах – джакузи! Но стиральной машины нету – заявила она.

– Полулюкс давайте. И, возможно, потом продлю, вечером. Сказали, могут только вечером встретить, да и то вряд ли, – объяснила она в ответ на вопросительный взгляд веснушчатой администраторши.

Та кивнула, улыбнулась и принялась оформлять документы.

Помыться Шуше хотелось больше всего на свете. Помыться и постирать одежду. Заляпанный рвотой свитер, в котором она была вчера, в больнице просто упаковали в герметичный пакет и так и выдали ей сегодня. Ничего, ручками, ручками.

Хорошо, что Гришнак Углукович додумался захватить сумку с вещами, когда её увозили на скорой: если бы пришлось возвращаться в бюро или домой, чтобы переодеться, она ни за что бы не успела к утреннему вологодскому самолёту, пришлось бы куковать в Москве до ночи. Она вздохнула, позавидовав остальным сотрудникам, которые вчера с ветерком добрались до города спецрейсами МЧС...

Получив ключ, Шуша поднялась в небольшой уютный номер на третьем этаже. Судя по всему, гостиница не страдала от избытка постояльцев. Но что именно было этому виной, закончившийся туристический сезон или ночной полёт «млестящего гнна», – сказать было трудно.

Она с наслаждением скинула воняющую больницей одежду и залезла в бурлящую горячей водой ванну. Утром лечащий врач всё-таки порядком измотал ей нервы: несмотря на то, что после вчерашних успокоительных Шуша впервые за несколько дней проснулась бодрой и не хотела спать, он всё толковал про какую-то сглаженность зубца Т на кардиограмме и нерегулярность основного альфа-ритма мозга, предлагал задержаться ещё на сутки, чтобы пройти дополнительные обследования... Шуша стукнула кулаком по столу, высказалась в том смысле, что этот самый «зубец Т» будет куда как круче, когда чёртов корабль улетит, а альфа-ритм, может, у неё всю жизнь нерегулярный, и тогда Михаил Андреевич, поджав губы, всё-таки подписал ей больничный. Надавав кучу лекарств с собой, он предупредил, что отправляет историю болезни в полевой госпиталь МЧС в Тотье и что никуда она не денется: там замглавного – его однокурсник. Шуша пожала плечами по поводу однокурсника, поблагодарила за лечение и, подхватив больничный и вещи, смылась поскорее.

Теперь, лёжа в ванной и медленно намыливая гостиничным шампунем волосы, она снова попыталась прислушаться. Связаться с кем-то, чтобы получить мыслеобраз, действительно мешали защитные заклинания, это она уже поняла. Но что мешало получить информацию о корабле? Он уже приземлился, следовательно, стал частью мира. Однако она по-прежнему ощущала его, как нечто совершенно чужеродное, непроницаемое, чувствовала только огромную, почти невыносимую тяжесть, которой он взгромоздился на землю, и ещё – боль её ожога...

Она подумала, что в гостинице наверняка есть сетевой салон, так что, пока будет ждать звонка или мыслеобраза от Гришнака Углуковича, надо будет всё-таки связаться с кем-нибудь из других регионалов, узнать, как ощущают корабль они, и не появилось ли каких-то новых предчувствий?

Она вздохнула, размышляя, с кем бы можно было связаться: Настя умерла, Серега из Владивостока наверняка уже заканчивает работу... Найти Мишеля? И пытаться понять друг друга с пятого на десятое? Она в который раз за последние полторы недели пожалела, что в курс подготовки геоманта иностранные языки входят лишь факультативно, а сама она слишком ленива, чтобы выучить хотя бы один нормально...

Впрочем, о чём она? Наверняка подавляющее большинство ведущих геомантов ещё не вышли из больниц, а среди геомантов регионального уровня способностей в остальных бюро она не знает никого...

Звонок мобильного раздался, когда Шуша уже доставала чистое бельё из сушилки. Гришнак Углукович то ли решил пренебречь секретностью (сотовая связь, в отличие от телепатической, теоретически могла прослушиваться), то ли вообще не слишком беспокоился о ней.

– Примерно через два часа за тобой вертолёт будет, – сообщил он, едва Шуша поздоровалась. – На улице Герцена стоянка, найдёшь?

– Найду, – радостно ответила Шуша. – Вроде тут недалеко. Какие новости, Гришник Углукович?

– Новости здесь узнаешь, тут их полно! – усмехнулся Гришник Углукович. – Кстати, можешь особо не обедать, только перекуси на дорожку: кормят здесь так, что ещё долго будешь от хорошего отвыкать.

Поест Шуша любила и последнему совету директора следовать не собиралась. В холле на ресепшене она узнала у администраторши, на этот раз хихикавшей с кем-то по телефону, где можно пообедать, и, получив исчерпывающие рекомендации в количестве пяти адресов, решила остановиться на самом близком: на собственно гостиничной столовке.

Она оказалась единственным посетителем. Официантки, преимущественно, исконные земледелицы, как говорится, кровь с молоком, собравшись за одним из столиков в уголке, довольно громко обсуждали, кто из них уже отправил детей подальше из города после ночного происшествия, кто только собирается это сделать, и не стоит ли уехать самим. Шуша подседа поближе: ей хотелось узнать, как относится рядовое население к приземлению космического корабля. Одна из земледелиц подошла к ней и, приняв заказ, быстро принесла ей блинчики с мясом, салат и компотик, затем присоединилась к товаркам. Пахло всё восхитительно, когда же Шуша попробовала, оказалось, что и вкусно необычайно. Вологодчина всё больше нравилась ей.

Из кухни вышла то ли повариха, то ли кто-то из обслуживающего персонала, – крупная седая техноориенталка. Она подошла к Шуше и, одобрительно понаблюдав за тем, как гостья уплетает блинчики, пригласила её присоединиться к официанткам.

Те, нисколько не смущавшиеся громко обсуждать при ней подробности, немного напряглись, когда Шуша пересела за их стол. Они внимательно наблюдали за каждым её жестом, словно бы пытались понять, можно ли доверять приезжей. Шуша решила, что это обычная настороженность провинциалов, но всё оказалось не так.

– Из Москвы, чай? – спросила техноориенталка. – Что в газетах-то пишете своих? Что делать-то нам? Куда деваться?

Шуша ошарашенно молчала. Её впервые приняли за журналиста, и, судя по вопросительным взглядам окружавших её феминепредставителей, отпираться было бессмысленно. Назвать свою настоящую профессию она тем более не могла.

– Эээ... Да что говорят-то... Не ясно ещё ничего... – протянула она.

– Как неясно? Как это неясно?! – раздалась возмущённые возгласы. – Мы тут под самым ударом! Из Тотьмы-то и деревень к нам эвакуировали, если кто поехать к родственникам куда не мог! А теперь-то что?! Тех-то эвакуировали, они сюда и будут целиться, в них-то!

Логика была в некотором смысле железная: если население Тотемского района эвакуировали в Вологду, то целью первого удара является именно оно, и, значит, теперь, если что, вдарят именно по Вологде. Шуша еле сдержалась, чтобы не засмеяться: своих родичей вологодцы успели упрятать по другим деревням, как она поняла. Тем временем феминепредставители разных рас продолжали голосить:

– Ночью-то, ночью-то! Ведь это он к цели примеривался!

– Глядь на небо, – а там искры, искры! Эх-ма!

– А я от гула проснулась, думаю – а матушки!

– Детей – в охапку, а сама-то в подпол! Две банки курятины тушёной, ну, что мы в позате выходные-то делали, – вдребезги! В темноте-то!

– А мы-то в панельке живём, так я только и смогла, что одеялом накрыться!

– Это ещё что! Мой-то, говорит, на заводе-то механическом мастеру палец отхватило! Деталь точил, да в окно-то и засмотрелся!

– Да ладно врать-то, Федотовна!

– Это я тебе вру?! Да сама-то на себя глянь! Ещё дед твой приврать любил! И все вы, Брендискоковы, такие!

– Тихо!!! – гаркнула крупная техноориенталка, которая и пригласила Шушу к столу.

Судя по всему она пользовалась в коллективе авторитетом: все замолчали, хотя исконная земледелица из почтенного рода Брендискоковых и невысокая пухленькая Федотовна переглядывались, поджимая губы.

– Так ты нам скажи, дочка, чего ждать-то? – снова повернулась к Шуше техноориенталка. – У вас-то что говорят?

Шуша посмотрела ей в глаза. В них были следы первого мимолётного страха, когда генсек объявила такой недалекий для этой женщины Тотемский район зоной чрезвычайного положения, и отражение сегодняшнего ночного ужаса. Она поняла, что должна ответить максимально честно.

– Я не журналист, правда. Но, думаю, уезжать бессмысленно. Если они захотят, – накроет всех. Достанет даже дельфинов в Тихом океане.

Глава 10

Пилот искренне старался превратить посадку в шоу.

К вечеру небо над Вологдой слегка заволокло, посыпался лёгкий снежок, и теперь вертолёт, озаряя, наверное, целый квартал вокруг положенными по штату боковыми прожекторами, преувеличенно медленно спускался на стоянку у Музея Дипломатии на улице Герцена. Редкие снежинки, попавшие в вихрь от винтов, чертили белые полосы перед Шушиными глазами. Прямо перед касанием кто-то на борту включил ещё и носовые фары. Конечно, с такой роскошью маломестные гражданские вертолёты, стоявшие вокруг, вряд ли могли соперничать. Вероятно, по мнению пилота, им вообще полагалось умереть от зависти.

Шуша, демонстративно держа ладонь козырьком, стояла у павильона площадки, не собираясь подходить к вертолёту, пока пилот не догадается заглушить мотор. Она искренне считала, вопреки всяким принципам политкорректности, что невоеннообязанный феминистка не должен демонстрировать чудеса ловкости, забираясь в обыденный, по сути, вид транспорта. Спустя пару минут до пилота, видимо, это тоже дошло. Винты замедлили свой бег, ветер улёгся, и из распахнутого люка кто-то выкинул металлический трап. Шуша направилась к нему.

– Спасибо! – похлопав по рукаву одетого в камуфляж техноориентала, выпустившего трап, из вертолёта навстречу ей выскочил молодой нативный горец со штативом и камерой на плечах. Осторожно спускающаяся по трапу феминистка с модной стрижкой, в красивой вышитой дублёночке, сердито дернула его за руку и с раздражением взглянула на Шушу.

– В Тотьму заказывали? – иронично спросил камуфлированный.

– Ага, – кивнула Шуша и протянула удостоверение.

Пока он, освещая фонариком кожаную книжечку, пытался разглядеть, что там написано, Шуша оглянулась, почувствовав взгляд в спину. Позади лежала освещенная прожекторами вертолётной площадки с небольшим павильоном ожидания, снег шёл всё сильнее и сильнее.

Феминистка умоляюще уставилась на неё из-под козырька павильона. Внезапно она сорвалась с места и подбежала к Шуше, цокая по бетонным плиткам каблучками модных сапожек.

– Вам ведь в Тотьму? Ну, пожалуйста, ну, скажите им! Ну, мы же просто репортаж снимали! Ну, ведь народ должен...

Шуша отрицательно покачала головой. Она ничего не могла предложить ей.

– Ну, пожалуйста! У нас эфир в полночь! Мы должны доснять и вернуться!

Техноориентал в камуфляже дёрнул Шушу за плечо. Она обернулась.

– Пошли!

Шуша ещё раз виновато посмотрела на корреспондентку, развела руками и вошла в вертолёт.

Пилот, худенький, маленький болотноориентал и впрямь был совсем молодой. Шуша покачала головой:

– Ну и зачем нужно было так понтоваться?

Он захихикал:

– А что, вы пожалуетесь?

– Мне просто кажется, что сотрудников МЧС население должно уважать. А уважение возникает в результате соблюдения правил обеими сторонами.

– То есть, жаловаться не будете? – уточнил пилот. Шуша, подумав, отрицательно покачала головой.

– А знаете, как меня с утра эти журналисты достали? – сказал он. – Я ведь уже четырнадцать часов в воздухе, и меня никто не сменил! Они ведь, сволочи, с трёх ночи лезут и лезут, лезут и лезут! А кто их разыскивать-то в этих лесах будет, а?

Он с яростью стукнул по подлокотнику, и Шуша с удивлением обнаружила на его лице неподдельную злость.

– А мы и будем! Никто, кроме нас! Вы в курсе, вообще-то, тут, у себя, что такое – выуживать прячущихся из леса?! Туда ведь ещё и разные там искатели приключений подались... из местных! Да мы задолбались уже: только сядешь, – команда на взлёт, только сядешь, – команда на взлёт! Неужели нельзя просто народ...

– Так. Мы взлетаем или как? – положив руку на плечо пилоту, тяжело спросил техноориентал.

Теперь Шуша разглядела, что он довольно-таки хронологически одарённый. Пилот несколько раз вздохнул, успокоился и уже мирным тоном произнёс:

– Идите в салон. Через час будем в Тотьме. Садитесь, Иван Евгеньевич, – кивнул он техноориенталу на соседнее кресло.

В пустом салоне вертолёта Шуша слегка задремала, размышляя над причудами психики разумных. Вот обычные обывательницы – официантки и прочий персонал гостиничной столовки, – после Шушиного безапелляционного заявления о возможном конце света почему-то сразу успокоились и принялись обсуждать сугубо бытовые проблемы, вроде возможного повышения цен на рынке из-за отъезда из города многих жителей. Одна только исконная земледелица Брендискокова, покачав головой, мимоходом заметила, что внучков она всё-таки отправит в Молочное к родственникам. Казалось бы, желание спастись должно было продиктовать этим феминопредставителям совсем другую модель поведения, но то ли они считали, что помирять вместе со всем миром веселее, то ли представление о масштабе бедствия, о том, что перестать существовать однажды может действительно весь мир, а не только знакомые и привычные пейзажи Вологодчины, не укладывалось в их голове.

Другой полюс являл собой пилот вертолёта, впавший почти в истерику только из-за того, что ему пришлось работать в необычной обстановке сверхурочно. Шуша принимала во внимание его молодость, но также знала, что он прошёл длительный курс обучения, и перед командировкой в Тотьму наверняка немало проработал в авиаотряде МЧС и должен был уже побывать в разных ситуациях. Она вздохнула, подумав, какими избалованными стали работники различных спасательных и даже медицинских служб после того, как в середине шестидесятых годов прошлого века была организована сеть региональных бюро и на службу обществу встали геоманты. Теперь повседневную жизнь сотрудников МЧС составляло лишь то, что, цинично выражаясь, до создания бюро можно было назвать «информационным шумом», – мелкие ЧП на транспорте или бытовые происшествия, случайные несчастные случаи, жертвами которых редко когда становилось больше пяти разумных одновременно. Всё это не являлось предметом деятельности сотрудников бюро, занятых предотвращением крупных катастроф и стихийных бедствий. Возникновение же опасных бытовых ситуаций в жизни каждый решал самостоятельно: достаточно было обратиться в какое-нибудь из частных магических агентств, и геомант городского или районного уровня мог подсказать, что именно стоит поменять в квартире или доме, а маг – предложить наложить заклинание или купить специальный амулет. Правда, от всего на свете защититься было невозможно: время от времени, как известно, стреляет и незаряженное ружьё...

Из дремотных раздумий Шушу вывела снова усилившаяся тяжесть в груди. Она сразу поняла причину: вертолёт подлетал к Тотьме. Мимолётное удивление вызвала у неё мысль о том, что, оказывается, она всего за сутки сумела привыкнуть, притерпеться к этой боли, к

навязчивому ощущению занозы где-то глубоко внутри, и за последние часы почувствовала их вновь словно впервые. В салон вошёл штурман-техноориентал.

– Подлетаем. Хотите посмотреть? – спросил он.

Шуша кивнула, и они вместе подошли к противоположному борту.

Корабль приземлился недалеко от автотрассы Вологда-Тотьма, практически на «фарватере» привычного маршрута воздушного транспорта между этими городами, поэтому пилот, подчиняясь приказу не провоцировать «братьев по разуму», закладывал широкую дугу вокруг места посадки. В иллюминатор корабль из-за окружающего леса был виден издалека, но Шуша смотрела на него во все глаза, даже не замечая, что от изумления слегка приоткрыла рот.

Сказать, что он огромен, было нельзя: он был колоссален. Он, наверное, был выше, чем любой небоскреб в мире. Его металлическая поверхность, испещрённая рядами маленьких иллюминаторов, практически не отблескивала в свете множества прожекторов, – то ли была матовой изначально, то ли такой её сделали путешествие через космические пространства и встречи с неведомыми землянам космическими опасностями... Из-за этой матовости корабль казался сделанным из бетона, а микроскопические по сравнению с его размерами иллюминаторы заставляли сравнить его то ли с крепостью, где они выполняли бы роль бойниц, то ли с тюрьмой, – Шуше показалось в какой-то момент, что, если подлететь поближе, на них обязательно обнаружатся решётки. Она вспомнила тот мыслеобраз, который ей всё-таки удалось получить от неведомого наблюдателя, когда она безуспешно пыталась заснуть в больнице: конечно, теперь ощущение было абсолютно другим. Это была воплощенная мощь, и чувствовалось, что мощи этой покорилось уже многое во Вселенной. Если не вся Вселенная...

Подумав так, Шуша ощутила мгновенный укол ужаса: что покорителям Вселенной крошечная Земля...

– Раз, наверное, десятый уже вижу его... – пробормотал штурман. – Никак привыкнуть не могу: какой же он нелепый посреди этого леса!

Шуша ошеломленно оглянулась. У этого техноориентала, вероятно, напрочь отсутствовало воображение, если, видя это зрелище, он думает только о его нелепости.

– Сначала-то размеры, конечно, удивили, но потом подумал – место ему где-нибудь в крупном городе. Там бы, конечно, он со зданиями рядом не пугал бы так, – с усмешкой произнёс он, поясняя свою мысль в ответ на Шушин взгляд. – Всего-то пятьсот метров с мелочью высотой...

Он махнул рукой и ушёл в кабину, оставив Шушу одну: вертолёт заходил на посадку, под брюхом уже проплывали освещённые улицы Тотьмы.

«Со зданиями рядом... со зданиями рядом...» – вертелись в голове у Шуши слова штурмана. Вместе с видом на корабль, исчезающим уже за верхушками деревьев, они вызвали какое-то странное ускользающее воспоминание. И только когда вертолёт коснулся шасси бетонного покрытия стоянки в Тотьме, она вспомнила свой мутный сон, с которого всё началось: нелепое высотное здание из стекла и бетона посреди леса.

Глава 11

На стоянке было тесно от вертолётных, не привычных бело-голубых, а покрытых камуфляжными пятнами. Ветер от винтов трепал одежду, заставлял пригибаться. Вокруг ходили, бегали, отдавали команды, занимались техобслуживанием машин представители, наверное, всех рас. Царил невообразимый гам, и Шуша, растерявшись среди этого бедлама, даже не сразу сообразила, что перед ней стоит радостная Юлечка. И только узнав её, наконец поняла, что подруга, подбегая, несколько раз уже звала её, – в шуме Шуше показалось, что она услышалась.

– Привет! Наконец-то! Будешь со мной ночевать! – первым делом крикнула Юля.

– Здорово! – ответила Шуша, напрягая связки. – Куда идём?

– Туда! – махнула рукой Юля в сторону длинной улицы.

Пока они шли по стоянке, в свете прожекторов Шуша исподтишка разглядывала Юлечку. Конечно, таких маленьких размеров на складе не нашлось, и бело-серо-чёрная зимняя камуфляжная куртка висела на ней мешком. Юля закатывала рукава, как поняла Шуша, в три или четыре раза, и из-за толщины сложенных обшлагов ей приходилось смешно раставлять руки при ходьбе. О длине куртки вообще говорить не стоило.

Отзвуки гама преследовали их ещё метров двести, пока они шли по пустынной, освещенной улице, а от шума вертолётных винтов, видимо, нельзя было избавиться во всей Тотье. Шуша заметила, что в некоторых домах до сих пор кто-то явно жил.

– А эти что же, не эвакуировались? – спросила она, показывая на один из домиков с красивой деревянной резьбой по фасаду, окна которого заманчиво-мягко светились сквозь занавеси.

– Может быть, – беззаботно пожала плечами Юля. – А может, кто-то из наших живёт. Тут ведь знаешь как? Довольно многие из работающих в системе жизнеобеспечения города остались, кто – за дополнительную плату, кто – добровольно. Подстанция вся, водопровод там, канализация... А в пустые дома многие владельцы разрешили селиться нашим.

Шуша поёжилась, представив себе ощущение, которое должны были испытывать представители обычных гражданских профессий в такой близости от корабля.

– Не страшно им? Ведь если... того?

– Не знаю, – беспечно махнула рукой Юлечка.

– Я вижу, ты тут в своей стихии! – улыбнулась Шуша, вспомнив, что болотноориенталка была профессиональным спасателем, и поняв, что за её беспечностью кроется наслаждение: подруга снова почувствовала себя «в поле», а не прозябала в скучном офисе.

Они дошли до освещенного уличными фонарями пустого перекрёстка и повернули за угол.

– Да, в общем! – с какой-то радостной уверенностью согласилась маленькая болотноориенталка. – Работы, конечно, очень много было и вчера, и сегодня. Фоново поначалу сильно, но он... корабль, в смысле... последние несколько километров спускался на каких-то других двигателях, без радиации. Так что обошлись почти только атмосферными вихрями, вывели основной массив загрязнения в космос.

– Как? – удивлённо спросила Шуша.

– Да выброс из атмосферы организовали. Типа фонтана, – объяснила Юлечка. – А вот с землёй сложнее всё. Там и сейчас фонит, а на полосу защитную не зайдёшь, чтобы поработать... И пепел, главное, ветром носило... Ну, мы пока в снежок вчера ночью дезактивантов подбавили, а приберём потом. Главное – дальше пока не пойдёт, ни в землю, ни в воздух.

Шуша задумалась. Похоже, то, что она почти перестала ощущать боль, привыкнув, как думала, к ней, было на самом деле большой заслугой аэропроектников. Теперь ведь её беспо-

коили только само присутствие корабля и сожжённая земля защитной полосы. Страшно сказать, что произошло бы с ней, случись обширное загрязнение атмосферы, воды или почвы! Во всяком случае, из больницы её точно бы не выпустили. И как вовремя аэропроектники это сделали – как раз, пока она спала...

Шуша подняла глаза и озадаченно уставилась на вывеску при входе в двухэтажный дом, мимо которого они проходили.

– Юль, скажи, ты меня кругами водишь, или у меня с мозгами непорядок? – спросила она.

Юлечка прочитала вывеску и рассмеялась.

– Рабочая столовая-то? Я сама удивилась вчера, – их тут, кажется, по две на каждой улице. Но кормят очень вкусно, рекомендую! В любой! Повара тоже, в основном, не уехали, – пояснила она в ответ на недоуменный Шушин взгляд.

Та только покачала головой.

– Гришнав Углукович вообще приказал мобильные кухни разворачивать только для тех, кто в оцеплении, – добавила подруга.

– Кстати, а чем он-то сейчас занимается?

– Ночью из ООР делегация приедет. Собираются парламентарями пойти завтра к кораблю, – так же беспечно сообщила Юлечка. – Если, конечно, до тех пор пришельцы сами как-нибудь не проявятся. О, мы пришли!

Шуша обнаружила, что они стоят перед зданием райбольницы.

– Не поняла? – озадаченно спросила она. – Ты что, здесь живешь?

Болотноориенталка хитренько улыбнулась:

– Гришнав Углукович приказал: тебя сразу в госпиталь. Там ещё с утра тобой врач интересовался!

– Ну Юуууля... – протянула Шуша возмущённо.

За перипетиями сегодняшнего дня она совсем забыла об обещании лечащего врача послать историю её болезни однокурснику в Тотьму.

– Иди-иди! – подталкивая её руками, безапелляционно заявила та. – Я с тобой пойду. Не бойсь, я же вижу, что ты в порядке! Осмотрят – и отпустят, главное, что ты проверишься ещё раз! А потом – на склад, камуфляж получать!

Врач действительно не нашёл в состоянии Шуши ничего предосудительного: ухудшения явно не наблюдалось. Однако, когда речь зашла о поддержании организма, и она с виноватым видом выгребла из самых недр сумки нетронутые лекарства, которые получила утром в больнице, однокурсник Михаила Андреевича поджал губы и мрачно пообещал Шуше, что, если она не будет их принимать, он пожалуется директору и закроет её в госпиталь минимум на три дня. По его словам, возни с Яриком ему хватило, когда тот, всего лишь геомант-региональщик, потерял сознание во время приземления корабля. Поэтому Шуша под наблюдением врача покорно приняла все предписанные средства и со своей стороны пообещала, что завтра и послезавтра ни за что не пропустит приём. Тем более, что доктор всё равно потребовал зайти в госпиталь через день.

Склад располагался в здании очередной рабочей столовой, закрытой, вероятно, исключительно для разнообразия. Там они обнаружили не только интенданта, который выдал Шуше комплект зимнего камуфляжа без знаков различия, но и отдел компьютерного обеспечения в полном составе.

Полусонные нативные горцы с нечёсанными бородами вяло ковырялись в эмчезсовских комплектах связи и неисправных приборах спутниковой навигации, – Гришнав Углукович явно не сдержал обещания отпустить их, если они приведут в идеальный порядок новые ноутбуки. Однако, судя по тому, что на столах среди разного рода технического барахла

кое-где виднелись и бутылочки пивка, любимого напитка честных компьютерщиков, в ответ отдел в полном составе тоже решил не соблюдать некоторые корпоративные правила. Шуша подошла поближе.

– О, кто пришёл! – несмотря на усталость, Хард весьма обрадовался Шуше.

Он бросил крошечный паяльник рядом с рацией и привстал над её разверстым нутром, протягивая Шуше короткую ручку. Она потянулась через стол, стараясь не коснуться его даже краем одежды: вокруг рации, противно пища, извивались несколько пришипленных к столешнице гремлинов, выловленных в аппаратуре, а к ним Шуша испытывала брезгливость. Рыжий сисадмин заметил её мимолётную гримаску, понял, обошёл стол и вцепился в её ладонь обеими руками.

– Ну как ты? Как твоё здоровье? – спросил он с жаром, заглядывая в её лицо снизу, и, не дав ответить, продолжил: – Это ж ужас, что творится! Они ж аппаратуру годами не проверяли, всё на складах валялось! Там гремлинов – тьмища, только и успеваем вылавливать! Вон, глянь, пакость какая!

Он отпустил её руку и ткнул пальцем на соседний стол. Шушу передёрнуло: на столе, перед полусонно моргавшим над стареньким ноутбуком молодым практикантом, которого она несколько раз видела в бюро, в перевёрнутой пивной кружке, копошилось не менее пары десятков гремлинов.

– Тьфу, извини, что показал! – сказал Хард. – Это, представляешь, из одного только спутникового телефона выудили. Кошмар, до чего всё запущено! Мы тут батю уже на помощь позвали, обещал братца двоюродного и ещё с пяток родственников прислать! Директор разрешил, раз уж так. Приедут – тут тебе удостоверение о награде и выдадут! А сам знак – уж прости, только после, при личном визите в долину!

Юлечка за спиной нативного горца покачала головой, с улыбкой возведя глаза к потолку, – Хард по-прежнему был занят только своими проблемами.

– Ладно, пошли! – рыжий сисадмин позвал Шушу за собой в помещение, которое явно раньше было кухней в столовке, а теперь выполняло роль собственно склада запчастей и высокотехнологичного «железа». – Я тебе лично такой ноутбук оставил, такой ноутбук! – горячечно зашептал он ей, когда дверь за ними закрылась. – Директор бы позавидовал, если бы знал! Я так его отладил, так! Мммм! Он летает, просто летает! А игрушек я туда поставил тебе! Поэма!

Шуша еле сдерживала смех.

– Хард, ну зачем мне игрушки? Я же в них в жизни не играла!

– А ты попробуй! Тебе понравится, точно! – заявил нативный горец и принялся копаться среди навала деталей и корпусов. – Куда же я его засунул, а? Сейчас, сейчас... А, вот!

Он потянул ноутбук из кучи, которая опасно зашаталась, но всё-таки устояла на месте.

– Получите, распишитесь! – гордо сунул Хард тёмно-серую плоскую коробку под нос Шуше.

– Где расписаться? – спросила Шуша, недоумевая.

– А это уже там, в накладных! Пойдём-пойдём, – позвал он её, возвращаясь в общий зал, превращенный в ремонтную мастерскую.

Шуша поставила закорючку в жёлтых потрёпанных бумажках и вместе с Юлечкой, попрощавшись с компьютерщиками и хмурым интендантом, вышла на улицу.

– А всё-таки, как ты сейчас себя чувствуешь? – спросила Юля, глядя снизу вверх на Шушу, примерявшую перед зеркалом камуфляж.

Шуша похлопала по пустым карманам зимней куртки и чуть наклонилась, чтобы одёрнуть полы.

– Ты знаешь, довольно прилично. Сама удивляюсь, – она начала расстёгиваться, чтобы надеть брюки и померить куртку вместе с ними.

В отличие от Юлечки, её размер на складе, конечно, нашёлся. Хотя выглядело всё это на ней не очень. Она в принципе с неодобрением относилась к любой униформе и не ожидала, что будет выглядеть в ней хорошо, но, кроме того, по её мнению, на гражданском камуфляж априори должен был сидеть так себе. Это армейским положено иметь фигуру в соответствии с одеждой, – шьют стандартно, на всех, и эмчезники, матерья, приобретают способность вращать фигурой в этот стандарт, а гражданскому позволено иметь особенности тела, которые не позволяют правильно носить форму.

– А я знаю, почему это! – неожиданно заявила Календула, сидевшая за столом, болтая короткими ножками.

Они с Юлечкой поселились в соседних комнатках у так и не эвакуированной, очень одарённой хронологически техноориенталки. Юдина комнатка была чуть побольше, и в ней стояли две кровати с пышными перинами, атласными ватными одеялами и пирамидами вышитых подушек. На одной из них и предстояло ночевать Шуше, и ей это очень нравилось: в такую постельку так и хотелось зарыться.

– И почему? – спросила Шуша, снимая свои кожаные брюки.

– Да у тебя же просто передышка! Короткая, наверное, но передышка. За всем миром следить не надо, насчёт кризиса появилась определённость...

– Да какая определённость... – прервала её Шуша. – Я ведь до сих пор не могу никак его «прощупать»... Приземлился – значит, должен уже быть частью мира. А торчит занозой – и всё.

– Ага, занозу-то всё-таки ощущаешь... – протянула Юлечка, которая деликатно ждала за дверью, пока Шушу осматривал врач.

– Ощущаю. Но не так сильно, как боялась ещё утром сегодня. То ли привыкла, то ли вы поработали славно...

– И всё равно, определённость есть. Ведь вас что изводило все дни до этого? Что вы понять не могли, что за кризис, откуда он... А потом, когда поняли, что корабль – не ясно было, как он себя поведёт, – заявила Календула и, мокнув последний оставшийся на её тарелке пельмень в сметану, запила его пивом прямо из банки.

Сегодня никто уже не ожидал, что от экоконтроля что-то понадобится. Часть аэропроектников по-прежнему вылавливала по окрестным лесам журналистов, но Юлечка, работавшая непрерывно с момента посадки корабля до сегодняшнего утра, тоже была отпущена на сутки. Поэтому они решили оттянуться. Еду они, не желая обременять хозяйку, приносили в судках из ближайшей рабочей столовки. Она действительно была очень вкусной, так что Шуша полностью отдала ей должное. Но покупать пиво не стала: в отличие от болотноориенталки и исконной земледелицы, её мог внезапно вызвать Гришник Углукович. Вдруг обитатели корабля предпримут какие-то действия...

– Чёрт, есть меньше надо! – пробормотала она, подпрыгивая и пытаясь застегнуть жёсткий кожаный ремень формы.

Дверь открылась, и из сеней на кухню вошла хозяйка, баба Тоня. В руке с набухшими старческими суставами она несла ведро молока – только что подоила корову. Поставила ведро на лавку и, увидев в проходной гостиной Шушу, собиравшуюся примерить шапку, медленно прошла туда.

– Эх, девоньки, эх... – покачала она головой, сложив руки под грудью и глядя на Шушу. – Эх, молодые-то какие...

– Это вообще как надевается? – повернулась Шуша к Юлечке, протягивая ушанку: она запуталась в шнурках и пуговицах.

– Дай уж сюда... – тихонько сказала баба Тоня и забрала шапку из её рук.

Она удивительно быстро распутала все петли и пуговицы, и протянула Шуше совершенно нормальный головной убор, а не перекошенное нечто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.